Александр Николаев
Красная рука

Александр Николаев
Красная рука

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744925
Издать Книгу;

Аннотация

Произведение написано в детективном жанре с элементами научной фантастики. События, описываемые в романе, происходят в Калифорнии. Лейтенант криминальной полиции Питер Саммерс в конце своей карьеры расследует ограбление банка, которое на первый взгляд представляется довольно банальным – охранник ночью совершает хищение из хранилища крупной суммы денег, передает их своему сообщнику и, вернувшись на свое рабочее место, кончает жизнь самоубийством.

Многочисленные экспертизы указывают на причастность к преступлению только одного человека – охранника банка. Однако просмотр записей системы видеонаблюдения банка, сделанных в момент совершения преступления, приводит к заключению, что охранника заставили совершить хищение денег, а потом застрелиться. Причем, сделано это сравнительно быстро и предельно жестоко. Каким-то образом воля человека была сломлена в считанные минуты.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 27
Глава 9 30
Глава 10 34
Глава 11 39
Глава 12 44
Глава 13 47
Глава 14 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Александр Николаев
Красная рука

Глава 1

Питер Саммерс последнее время спал плохо. Сон часто прерывался, иногда мучили кошмарные сновидения. Несомненно, причиной тому была хроническая усталость, накопившаяся у него за годы работы в полиции. Большую часть жизни Саммерс работал в криминальной полиции и все, что было видано им за эти годы, тяжелым бременем легло на душу. Именно хроническая усталость была причиной плохого сна, раздражительности, неприятных болей в области сердца. Врачи говорили: «Депрессия, надо отдохнуть». Однако отдыха как раз и не получалось. Не умел Саммерс отдыхать. Отдыхать дома или где-нибудь на курорте он мог от силы два-три дня. Затем вся окружающая обстановка начинала его раздражать, и отдых превращался в каторгу.

Саммерс был хорошим полицейским и опытным следователем. Сама работа, раскрытие запутанных преступлений, погоня за преступниками, противоборство с ними, были для него лучшим средством для отдыха. Особенно в молодости, когда Саммерс отличался великолепной физической подготовкой и меткой стрельбой. Сама же стрельба настолько поднимала ему настроение, что он полностью забывал об усталости. Однако сейчас, к пятидесяти годам, усталость начинала давать о себе знать все больше. Саммерс держался как мог, глотал таблетки, и снова ловил преступников.

С его способностями можно было далеко продвинуться по службе, если бы не один существенный недостаток – не мог Саммерс угождать начальству. Поэтому его всегда придерживали, да и сам Саммерс не очень рвался за чинами. Правда, совсем недавно он стал лейтенантом полиции и мог позволить себе больше сидеть в участке. Посидев там некоторое время, Саммерс понял, что находиться в тесном кабинете и работать преимущественно с бумажками еще тяжелей, и он снова стал активно участвовать в оперативной работе. Необходимую бумажную работу за него стал умело делать его подчиненный – сержант Трент Хаппел. Так и повелось, Саммерс как обычный сержант воевал с преступностью на улицах города, а Хаппел весьма успешно справлялся с оформлением необходимых документов. При этом оба были довольны своей жизнью.

Сегодня Саммерс спал особенно тяжело, ему снилось, что кто-то его душил. Саммерс проснулся и с силой вдохнул воздух, сердце стучало, в глазах плавали красные круги. Отдышавшись, он понял в чем дело – просто спал, уткнувшись носом в подушку. Облегченно вздохнув, Саммерс усмехнулся, и как раз в это время в спальню зашла его жена Барбара. Она присела на кровати, погладила мужа по голове и сказала:

– Доброе утро, Пит. Как ты сегодня спал?

– Вроде бы спал, и то ладно, – с этими словами Саммерс сел, обнял и поцеловал жену. – Ну, что, пора вставать?

– Пора, иначе вся работа без тебя остановится, – улыбнувшись, пошутила Барбара.

– Это верно, – засмеялся Саммерс.

Они были женаты уже около тридцати лет, но их отношения все это время оставались добрыми и нежными. По-видимому, этому способствовала и работа Саммерса, он редко бывал дома, а когда возвращался, был усталым и не вмешивался в домашние дела. В то же время Саммерс всегда был очень внимательным к Барбаре как к женщине, часто звонил с работы, дарил цветы, был нежен и ласков. Барбара после того, как их сын вырос и обосновался врачом в Сан-Франциско, стала активно участвовать в общественной жизни

города. Она принимала самое деятельное участие в работе общества защиты животных, и, поэтому, у нее не возникало ощущения одиночества и ненужности. Но, главное, что отличало их как супругов, так это стремление облегчить жизнь друг друга и понять душевное состояние любимого человека.

Питер Саммерс стремился каждое утро выполнять несложные физические упражнения. Эта зарядка, по его мнению, способствовала поддержанию хорошей физической формы и здоровья. Вот и сегодня Саммерс с удовольствием выполнил зарядку, принял душ и отправился на кухню.

– Послушай, Пит, – начала разговор Барбара. – Мне кажется, у тебя работы в последнее время стало больше.

– Да, это верно, преступность растет, – задумчиво сказал Саммерс.

– Но, почему так происходит? – продолжила Барбара. – Ведь, мне кажется, что люди живут все лучше и лучше. Казалось бы, живи да радуйся.

– Они не радуются, а завидуют другим, тем, кто богаче, кто более удачлив, – с усмешкой ответил Саммерс. – Отсюда попытки любым образом, любой ценой овладеть богатствами, положением в обществе, популярностью, ну, и тому подобное…

– Человек, конечно же, велик, – через некоторое время продолжил он. – Некоторые считают его вершиной природы, но как много у человека недостатков, и главные из них – зависть и неумение сопоставить свои способности со своими возможностями. Как большинство людей завидуют богатым и известным! До боли в печенках! Готовы на любые действия – подлость, преступления, лишь бы сравняться с ними, лишь бы подняться до их уровня, а то и выше других. А ведь большинство людей плохо осознают ограниченность своих возможностей, но, несмотря на это, все люди хотят жить красиво. Порой, даже слишком красиво. Да, и общество само виновато – в сознание людей усиленно внедряется культ красивой и беззаботной жизни. Угадай букву, слово, или какую-нибудь цифру, – и ты богат и знаменит. Посмотри передачи по телевизору, обложки престижных журналов – все богатые, красивые и счастливые, все отдыхают, развлекаются и никто не вкалывает. «Никаких проблем», – девиз подобной публики. Неважно, где и как, лишь бы разбогатеть, не утруждаясь особенно.

– А как сейчас воспитывают своих детей? – продолжил он через некоторое время. – Пытаются предвосхитить любые желания детей. «Нам было трудно, но лишь бы детям было лучше», – думаю, что ты часто слышала такую фразу. Поэтому очень часто ребенок в семье быстро превращается в маленького божка. Дальше – больше. Ребенок растет, растут и его запросы, а удовлетворять их становится все труднее. Ведь его самого учили только с легкостью тратить деньги, заработанные другими. Сам же он толком ничего делать не умеет, а красиво жить хочется, еще как хочется. Так и появляется желание обогатиться любой ценой. А теперь представь, что только боязнь наказания заставляет большинство людей придерживаться каких-то рамок, правил и законов. Если бы не страх наказания, трудно себе представить во что превратились бы улицы наших городов. Да и были ли бы города и улицы? Человечество давно истребило бы само себя… В последнее время все больше людей переступают через этот страх и выходят за рамки закона. Так что, без работы полицейские не останутся. Наоборот, только работай.

– Но, как же так? – удивленно спросила Барбара. – Ведь даже в Библии сказано: «Каждому свое».

– Вот-вот, – засмеялся Саммерс, – это как раз следующий недостаток людей.

– Какой же?

– Двуличие! – многозначительно ответил Питер. – Именно двуличие, именно способность жить по двойным стандартам – одна из основных причин многих преступлений. Ты вспомнила о Библии, а сколько я видел людей, у которых на шее крест, а в душе дьявол. Как они грешат, если бы ты видела. И какими ангелочками стремятся выглядеть сразу после

этого. Какое мастерство, какой артистизм! Черт, как тяжело все это видеть и осознавать. Еще тяжелей бороться с подобными явлениями. Люди проявляют удивительную изобретательность и изворотливость в заметании следов своих деяний и преступлений. А ведь существуют еще и адвокаты. О, если бы ты знала, Барбара, сколько среди них отъявленных негодяев! Они готовы получать деньги за сокрытие любого преступления, любой подлости. Лишь бы получить деньги. Каких только типов среди них я не видел за эти годы. Многие из них достойны пера великих писателей. Человечество должно знать о существовании подобных людишек. Описать бы их в романе с названием, ну, так скажем: «Житие адвоката-прохиндея». У меня богатейший материал для этого, вот только бы научиться писать романы. И тогда ты стала бы женой великого писателя.

– Скажешь тоже, – засмеялась Барбара. – Садись лучше есть, а то опоздаешь на работу.

Саммерс сел за стол и стал завтракать. Он наслаждался редкой возможностью спокойно покушать. В последнее время не часто выдавалась возможность завтракать без спешки, без срочных вызовов в участок, возможность просто поговорить с женой. Барбара же думала о том, как тяжело приходилось Питеру все эти годы. С одной стороны, важная, просто необходимая для жизни людей работа, с другой стороны, – понимание, что именно пороки людей и порождают необходимость работы полицейских, а порой и серьезно осложняют ее. Ведь из этого круговорота человечеству не выбраться. Тяжело вздохнув, Барбара спросила мужа:

– Питер, понимаю, как тебе сложно работать. Неужели ты, работая все эти годы, испытывал душевную боль?

– Нет, что ты? – ответил Саммерс, тщательно пережевывая свой любимый салат. – В первые годы увлекало само расследование преступлений, погони, да, и не скрою, стрельба, опасность. Азарт, романтика, я бы даже сказал, мальчишество. Был даже период, когда верил, что эффективными действиями полиции можно серьезно бороться с преступностью. Позднее пришла усталость и понимание порочности человеческого общества. Работа полицейских крайне важна, но она не панацея. Мы только лишь, идем по следам преступлений, а нужно, что бы в обществе произошли какие-то изменения, и людей оставила бы эта безудержная страсть к накоплению богатств. Деньги, деньги. Все на них просто помешались. Какой-то кошмар.

– Но ведь, не все люди склонны становиться преступниками, – возразила Барбара, – вот я, например, никогда не совершала ничего дурного. Надеюсь, ты тоже. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься, – усмехнулся Саммерс. – Только уж слишком сложно ответить на вопрос: «Почему одни люди могут совершать преступления, а другие не могут?» Еще сложнее объяснить, почему я не стал преступником. Ведь с моими знаниями и опытом в этой сфере можно было творить чудеса.

– Питер, о чем ты говоришь? – изумилась жена.

– А, впрочем, буду лучше есть, – продолжил он через некоторое время. – Вот, уйду скоро в отставку. И чем заниматься? Я толком ничего не умею делать, просто умру с тоски на пенсии. Может, действительно начать писать книжки. Мне есть, что написать, и кого описать.

– Послушай, Пит, – предложила Барбара, – я слышала, что многие полицейские, уходя в отставку, начинают работать детективами в частных агентствах.

– Частных агентствах?! – усмехнулся Саммерс. – Целыми днями охотиться за чьими-то голыми задницами. Нет, уж лучше разводить какие-нибудь кактусы, или собирать вместе с тобой бездомных собак.

– Не трогай бедных животных, – возразила Барбара, – и вообще, о каких это голых задницах ты говоришь?

– О каких, еще?… Дело в том, что все эти частные агентства занимаются, главным образом, собиранием доказательств супружеской неверности. Вот и приходится добывать факты и фактики. А доказательства супружеской неверности нужны людям, опять таки, для выбивания у кого-то денег… А, ну, их всех, – с раздражением махнул рукой Саммерс.

Глава 2

Уже через полчаса Саммерс подъехал к полицейскому участку, в котором проработал множество лет. Прошел коридором между застекленных кабинетов, поздоровался с некоторыми офицерами и открыл дверь своего кабинета. Взглянув на заваленный бумагами стол, Саммерс тяжело вздохнул. В этот момент за его спиной раздался голос Трента Хаппела:

– Доброе утро, шеф! Как вам нравится сегодняшняя погода?

– Погода действительно отличная, а вот обстановка на моем столе не очень, – Саммерс обошел стол и сел в кресло. – Ну, и что нам делать со всем этим?

– Не волнуйтесь, шеф, – бодро отозвался Хаппел. – Бог даст, справимся. Я как раз осваиваю портативный компьютер, так что скоро вся информация будет в нем, и никаких бумаг.

– Доложи лучше обстановку в городе.

– Ночь прошла на редкость спокойно, – бодро начал докладывать Трент Хаппел, – ни одного убийства, ни одного серьезного ограбления. Можете себе представить, всего лишь два изнасилования да мелкие кражи.

– Вот это да, – сказал Саммерс, разведя руки в стороны. – Так, чего доброго, мы останемся без работы. Неужели ни одного трупа?

– Есть один, но там автомобильная катастрофа.

– Автомобильная катастрофа?

– Да, – продолжил Хаппел, – в четыре часа утра на южном федеральном шоссе, какой-то придурок на бешеной скорости врезался в здоровенный дорожный каток для укатывания асфальта. Машина взорвалась и сгорела. На месте происшествия уже работает бригада дорожной полиции.

– Вот что, Хаппел, – решительно сказал Саммерс, – быстро, пока все тихо, съездим туда и посмотрим, что за автомобильная катастрофа. Смерть человека – это всегда серьезно.

– Но, шеф, – взмолился Хаппел, показывая на стол, – а как же отчеты?

– Ничего страшного, все равно скоро это будет в компьютере, а тебе необходимо проветриться, больше приобщаться к следственной работе.

Питер Саммерс знал улицы города как свои пять пальцев. Сколько раз он, участвуя в погонях за преступниками, ловко лавировал на своей машине по маленьким улочкам города. Вот и сейчас Саммерс быстро вывел машину, в обход больших улиц и светофоров к южному федеральному шоссе, которое вело в сторону Сан-Диего. Он любил быструю езду, поэтому поставил на крышу полицейский маячок на магнитной платформе и вылетел на левую полосу шоссе. К его удивлению левая полоса оказалась занятой, все водители, даже те, кто ехал с невысокой скоростью, стремились двигаться слева. Саммерс выехал на правую полосу и с чувством радостного облегчения нажал на педаль газа. Его «понтиак» взревел всей мощью своего мотора и плавно полетел, покачиваясь на упругих рессорах. Саммерс испытывал странное чувство в таких случаях, будто снова возвращалась молодость, и тело вновь наполнялось легкостью и жизненной энергией. Иногда на полосе встречались машины и Саммерс, не снижая скорости, ловко объезжал их слева. Сержант Хаппел сидел напряженный рядом, искоса поглядывая на стрелку спидометра, которая упрямо стремилась к отметке в сто миль в час. Однако стремительный полет машины скоро закончился, двенадцать миль, что отделяли город от места аварии, пролетели очень быстро.

Уже на подъезде к месту Саммерс и Хаппел заметили сбитые дорожные знаки, предупреждающие о проведении ремонтных работ. Вскоре они увидели и исковерканную машину, врезавшуюся в дорожный каток. Около нее работала бригада полицейских. Саммерс подъ-

ехал к ним поближе и остановил машину. Ему навстречу подошел сержант дорожной полиции и, усмехаясь, сказал:

– Ну, и дела! Что же привело «криминалов» сюда, в столь унылое место?

– Пока только любопытство, – так же, с усмешкой ответил Саммерс. – Я вижу, сзади хорошо сохранился номер. Удалось установить, кому принадлежит машина?

– Да, – ответил сержант, – машина «форд скорпио» зарегистрирована чуть больше года тому назад на имя Эдуарда Эрденштейна. Мы уже проверяли в базе данных, машина «чистая», никаких нарушений не зарегистрировано. Однако вчера рабочие этого участка были буквально обстреляны мелкими камнями из-под колес этой машины. Двое из них получили легкие травмы и собирались сегодня подавать на водителя судебный иск, но, похоже, опоздали. В машине сильно обгоревший труп, пока мы не можем сказать, кто это.

– Значит, все-таки труп, – задумчиво сказал Саммерс. – А вы установили, кто этот Эрденштейн?

– Да, – продолжил сержант, – в базе данных отмечено, что он сотрудник компании «Синима текнолоджи».

– Понятно, – сказал Саммерс и, обернувшись к своей машине, приказал. – Хаппел, позвони к нам в отделение, узнай номер телефона компании. Это уже серьезно.

– Почему так серьезно? – удивился сержант.

– Потому, что значительная часть городского бюджета формируется за счет прибыли именно этой компании. Иными словами, все, что связано с «Синима текнолоджи» – серьезно и срочно. Шевелись быстрее!

Через минуту Саммерс уже звонил в приемную компании. Ему ответил приятный женский голос:

– Приемная компании «Синима текнолоджи». Доброе утро!

– Доброе утро, мисс! Лейтенант Саммерс, криминальная полиция. Примерно в четыре часа утра на южном федеральном шоссе произошла автомобильная катастрофа. Разбилась машина, зарегистрированная на имя Эдуарда Эрденштейна, сотрудника вашей компании. Вам известно это имя?

После некоторой паузы взволнованный голос ответил:

– Да, известно. Эдуард Эрденштейн руководитель одного из наших отделов… Подождите минутку, я соединю вас с президентом компании.

Минуты две телефон молчал, затем раздался слабый щелчок и зазвучал уверенный с легкой хрипотцой мужской голос:

– Гарри Галлахер, президент компании.

– Доброе утро, сэр! Лейтенант Саммерс, криминальная полиция. В автомобильной катастрофе разбилась машина, зарегистрированная на имя Эдуарда Эрденштейна. В машине обгорелый труп, возможно, это сам Эрденштейн. Что вам известно о нем?

– Вчера у нас было производственное совещание. После совещания никто из сотрудников компании его не видел. Сегодня Эрденштейн не явился на работу. Пожалуй, в настоящий момент я больше ничего не могу добавить.

– А, что, за совещание? – поинтересовался Саммерс.

– Видите ли, решались вопросы технической политики на ближайшую перспективу… В общем, чисто технические вопросы.

– Хорошо, мы к вам заедем и поговорим более подробно. До свидания, – заключил Саммерс.

– Заезжайте.

Саммерс положил трубку, и некоторое время сидел молча, затем повернулся к своему помощнику:

– Чувствует моя душа, Хаппел, не все здесь так просто, как может показаться на первый взгляд. Надо разобраться.

– Надо, так надо, – проворчал Трент Хаппел.

Они вышли из машины и стали внимательно осматривать искореженную машину и само место аварии. Саммерс, осматривая все вокруг, через плечо говорил Хаппел:

– Очень сильные повреждения, видимо, скорость была сумасшедшая… Заметь, отсутствуют следы торможения, асфальт совсем свежий и они обязательно были бы видны… Значит, не тормозил, или не мог тормозить… И не пытался повернуть. Обязательно нужно провести техническую экспертизу, установить состояния тормозной системы, рулевого управления… Да, и еще, обязательно мне на стол акт судебно-медицинской экспертизы. Алкоголь, наркотики и тому подобное… Иди, найди рабочих, которые собирались подавать судебный иск, и еще, сторожа участка.

После того, как Хаппел пошел выполнять поручение, Саммерс обратился к полицейскому из отряда дорожной полиции:

– Сержант, а что вы думаете об этой катастрофе?

– Здорово летел, как космический метеорит, и и, бац, о поверхность земли, – проговорил полицейский, при этом ударив правым кулаком по своей левой ладони. – А если серьезно, то не видно, чтобы пытался тормозить или сворачивать… Либо пьяный в стельку, либо сознательно стремился свести счеты с жизнью. Все дорожные знаки и освещение были установлены в соответствии с требованиями. Не заметить их было невозможно.

– Я распорядился провести тщательную техническую экспертизу автомобиля, – сказал Саммерс. – Этот Эрденштейн видный человек, руководитель отдела компании.

– «Видный человек?», – изумился сержант. – А ездит на такой «тачке».

– Ну, это не наше дело, – отозвался Саммерс. – А как вы думаете, возможны ли при таком ударе возгорание и взрыв бензина в бензобаке.

– Если бак был на половину наполненным, то детонация и взрыв бензина возможны, – подумав, заключил сержант дорожной полиции. – Все сильно выгорело, так что не осталось никаких документов. Правда, остались некоторые мелкие металлические предметы. Возможно, с их помощью удастся что-то выяснить.

Саммерс понимающе кивнул головой и произнес:

– Да, это вам не фунт лапшички.

Когда у него появилось его выражение, сказать никто не мог, даже сам Саммерс. Скорее всего, в раннем детстве. Естественно, что подобное колоритное выражение не могло быть не замеченным окружающими. Оно и послужило поводом для многочисленных прозвищ, которые давали ему окружающие. «Фунт лапшички», «лапшичка», а то и совсем просто – «лапша». Саммерс равнодушно относился к подобным прозвищам, а иногда и сам смеялся вместе со всеми.

Вот и сейчас, вызвав улыбки у окруживших разбитую машину полицейских, Саммерс направился к своему «понтиаку». Через несколько минут к нему подошли Трент Хаппел с тремя рабочими. Двое из них вчера чуть было не пострадали от неосторожной езды Эрденштейна, а третий, пожилой, был ночным сторожем на этом участке. Он еще не успел уехать домой после окончания смены.

Из разговора с ними Саммерс выяснил, что эта машина вчера, в десять часов сорок минут утра уже появлялась на участке. Сбив предупредительное ограждение, машина чудом избежала столкновения с дорожной техникой, и стремительно умчалась по шоссе на юг. Хоть и скорость была очень большой, рабочие успели заметить, что водитель имел крайне раздраженный вид. Сторож сообщил, что ночью слышал только гул мотора и взрыв. Он же и сообщил в полицию о случившемся.

Глава 3

После разговора с рабочими Саммерс со своим помощником сержантом Хаппелом отправился в компанию «Синима текнолоджи». Она была основана на рубеже двадцатых и тридцатых годов XX века, в эпоху великого немого кинематографа. Сразу после образования, «Синима текнолоджи» с азартом включилась в соревнование с американскими, французскими и немецкими производителями кинопроекционной аппаратуры по разработке широкоформатных систем демонстрации кинофильмов. В руководстве компании всегда были люди, которые стремились не только к получению максимальной прибыли, но и к реализации смелых, порой рискованных, проектов. С тех пор за ними закрепилась репутация романтиков и азартных игроков на рынке. Она достигла немалых успехов. Позднее, ее руководители с увлечением переключились на производство кинопроекторов для демонстрации звуковых фильмов. Начиналась новая эпоха – эпоха звукового кино.

В трудные годы Второй мировой войны было не до экспериментов – производили небольшие проекторы для армии. После войны начался период бурного развития кинематографа. Эпоха небывалой популярности и творческих экспериментов в мировом киноискусстве во многом была обязана успехам производителей проекционной аппаратуры. И «Синима текнолоджи» была активным участником этого подъема. Стереофонический звук, панорамные и стереоскопические системы кинематографа, проекция изображения на сферический экран и экраны круговой кинопанорамы. Во всех этих достижениях мирового кинематографа была и частица труда ее сотрудников.

Широкое распространение телевидения, появление видеомагнитофонов, персональных компьютеров серьезно пошатнуло позиции производителей кинопроекционной аппаратуры. На рубеже второго и третьего тысячелетий о былых успехах остались лишь воспоминания. Приходилось бороться за выживание в новых условиях. Последние годы постоянно маячила перспектива банкротства.

Вскоре полицейские подъехали к въездным воротам «Синима текнолоджи», навстречу им вышел охранник. Саммерс представился и показал жетон. Охранник попросил немного подождать, и, вернувшись на пост, позвонил. Через минуту он поднял шлагбаум и объяснил, как подъехать к административному корпусу. Ворота в здании администрации были уже открыты, их встречал сам Галлахер.

– Я, Гарри Галлахер. Пожалуйста, проезжайте. Стоянка автомобилей у нас прямо здесь, на первом этаже.

Руководитель компании Гарри Галлахер был известным человеком в мире производства кинопроекционной аппаратуры. Для него это было настоящим призванием. И возникло оно давно, еще в конце пятидесятых годов. Галлахер, тогда еще совсем молодой человек, побывал на двух кинофильмах, которые произвели на него неизгладимое впечатление. Это были фильм «Парусник» с использованием первой кинопанорамной системы «Синиморакл» и фильм «Запах тайны» с использованием системы «Аромарома», включающей распыление пахучих веществ специальным устройством у каждого кресла. С тех пор Галлахер буквально грезил оригинальными идеями в области кинопроекции.

Галлахер, довольно тучный человек, уже седой, с заметной лысиной и веселыми глазами, был властолюбивым человеком и любил все атрибуты власти. Особенно ему нравилось наблюдать за волнением его подчиненных при встречах и разговорах. Свой большой кабинет Галлахер обставил таким образом, что любой человек, попавший к нему на прием, невольно осознавал величие и значимость происходящего. Большой глобус, карта мира, флаги стран, где использовалось их оборудование. Все это, по мнению Галлахера, должно убеждать посетителей в солидности компании и его самого. С другой стороны, Галлахер был добродуш-

ным и веселым человеком. Любил пошутить над другими, иногда позволял шутки и в свой адрес. Все сотрудники называли его между собой боссом. Иные с любовью, иные с сарказмом, но авторитет Галлахера в компании был чрезвычайно высоким. Кроме того, Галлахер еще в юности, занимаясь хоккеем, повредил себе правую ногу, и с тех пор вынужден был ходить с палочкой. Позже, стремясь выглядеть посолиднее, он приобрел себе массивную трость и научился ходить с ней особым образом, в результате его походка вызывала больше улыбку, чем сострадание.

Галлахер жестом пригласил полицейских к двери лифта. Рядом стоял еще один охранник, без оружия – свою автоматическую винтовку по случаю приезда полицейских он спрятал в служебной будке. Галлахер приложил к окошку сканирующего устройства большой палец правой руки, сделав вид, что просто нажимает на кнопку. Массивные двери лифта медленно раскрылись. При входе в лифт раздался приятный женский голос:

– Назовите ваше имя!

– Гарри Галлахер.

– Введите ваш личный код!

Галлахер набрал код. Дверь лифта медленно закрылась, и кабина начала подниматься.

– Серьезно тут у вас, – с улыбкой сказал Саммерс.

– К сожалению, приходится, – объяснил Галлахер. – Больше чем террористов опасаемся промышленного шпионажа. В настоящее время наибольшую ценность представляют идеи, а они как раз хранятся здесь. Поэтому здание вынуждены охранять лучше, чем склад готовой продукции. Так что, с этим у нас действительно очень серьезно.

Галлахер провел полицейских в зал для совещаний руководителей отделов компании. Подождав немного, после того как они уселись и осмотрелись вокруг, Галлахер сказал:

– Именно в этом зале вчера проходило совещание, на котором мы все в последний раз видели Эдуарда Эрденштейна. Что конкретно вас интересует?

– Это мой помощник, сержант Трент Хаппел, – начал Саммерс. – Мы проводим расследование обстоятельств автомобильной аварии на южном федеральном шоссе.

– Лейтенант, вы представляете криминальную полицию, – с недоумением сказал Галлахер. – Почему вы расследуете обстоятельства автомобильной аварии? Насколько я понимаю, это дело дорожной полиции.

– Дорожная полиция занимается технической стороной аварии, – возразил Саммерс, – состояние автомобиля, дорожного покрытия, длина тормозного пути и тому подобное. Однако в этой аварии погиб человек, и поэтому нам необходимо провести расследование всех обстоятельств аварии. Если был несчастный случай, это одно дело. Если кто-то или что-то подтолкнуло человека к гибели, то это уже другое дело.

– Да, я понимаю… Что именно вас интересует? – спросил Гарри Галлахер.

– В первую очередь нам необходимо убедиться, что обгоревший труп в машине – это Эдуард Эрденштейн. Если это другой человек, то необходимо выяснить место нахождения Эрденштейна… Что вы можете сказать о нем? Возможно, сможете отметить какие-то особые приметы, черты характера.

– Однозначно охарактеризовать Эдуарда Эрденштейна невозможно, – сказал Галлахер. – Личность неординарная. Несомненно, талантливый человек, но характер весьма сложный. Раздражительный, вспыльчивый. Я бы даже сказал, озлобленный на весь мир. Эрденштейн – человек крайне скрытый, замкнутый. Никогда нельзя понять, что у него на уме. О нем мы мало что знаем. Когда он к нам устраивался, указал, что родом из Техаса, вроде, у него там осталась сестра. Других родственников, насколько мне известно, у него не было. Однако как специалист он меня устраивал, хотя работать с ним было сложно… Высокий, стройный, особых примет, вроде бы, не было. Если необходимо могу представить его фотографию.

– Да, если можно, принесите фотографию, – согласился Саммерс.

После этого он выложил из пакета на стол обгоревшие и деформированные от высокой температуры металлические предметы, найденные в разбившейся машине. Галлахер не смог опознать в представленных предметах вещи Эрденштейна. Поэтому он предложил пригласить на опознание сотрудников отдела, которым руководил Эрденштейн. Через некоторое время явились трое работников отдела. Двое из них узнали в обгоревших предметах остатки запонок и зажима для галстука оригинальной формы. Эти запонки и зажим появились у Эрденштейна сравнительно недавно, и они ему очень нравились.

– Понятно, – сказал Саммерс. – Сержант Хаппел сегодня же заедет к вам еще раз, необходимо оформить протокол опознания вещей погибшего.

Подождав когда сотрудники отдела выйдут из зала совещаний, Саммерс продолжил:

– Все необходимые экспертизы мы, конечно же, проведем, но для дальнейшего расследования нам необходимо знать, где жил Эрденштейн. Более того, я надеюсь, мистер Галлахер, вы понимаете, что нам необходимо поговорить со всеми участниками вчерашнего совещания.

– Хорошо, – сказал Галлахер, – я направлю к вам всех… Вот список., На совещании присутствовали о, считая Эрденштейна, семь человек. Если у вас нет больше ко мне вопросов, пойду распоряжусь…А пока, может что-нибудь выпьете? Кофе, чай, или более существенное?

– Если можно, кофе без сахара, – согласился Саммерс.

Как только Галлахер вышел, Трент Хаппел, сидевший до этого времени молча, взволнованно заговорил:

– Шеф! О каком расследовании вы говорите? Ничего же еще нет. Зачем нам все это надо?

– Расследование обязательно будет, будет и санкция прокурора, – возразил Саммерс. – А нужно нам как можно быстрее выяснить все обстоятельства дела. Как говорится, по горячим следам. Важно сейчас не упустить ни одной детали, пока все они полностью не осознали, что случилось. Особенно важны их переживания, эмоции. Внимательный анализ высказываний участников этого совещания, их жестов, поведения может дать для расследования не меньше, чем качественно проведенная экспертиза. Учись, пока я жив. Старайся ничего не упускать из виду. Достань блокнот и записывай самое главное. После сравним наши наблюдения.

Глава 4

Оставшись в зале совещаний вдвоем, Саммерс и Хаппел принялись рассматривать интерьер зала. Они сидели за большим овальным столом темно– красного цвета и любовались картинами на библейские темы.

– Красиво тут у них, – сказал Саммерс, показывая широким жестом правой руки на окружающую обстановку. – Наверно, в такой торжественной обстановке в голову приходят только очень умные мысли.

– Да, здорово, – согласился Хаппел, рассматривая цветочную композицию посредине стола. – Вот, посмотрите, шеф. Всего три цветка, несколько листиков, какая-то травка, камушки, покрытые мхом. А как красиво. По-моему, такая штука называется икебаной.

Саммерс добродушно усмехнулся:

– Хаппел, в какой-то мере ты прав. Просто не совсем понимаешь глубокий смысл этого слова. Икебана очень древний вид искусства, главным образом искусство составлять букет. По-японски оно называется икебана, так же можно называть и сам букет, но само слово обозначает значительно больше. Икебану следует считать особой философией, философией красоты, причем, не только растений. Искусство икебаны учит воспринимать красоту в целом. Поэтому лучше сказать, что на столе стоит цветочная композиция в стиле икебана.

– Какая разница? – недоуменно пожал плечами Хаппел.

В эту минуту открылась дверь и в зал вошла Джулия Уолтерс – личный секретарь Галлахера. Высокая блондинка с большими красивыми глазами. Природа одарила ее совершенной фигурой, грациозной и привлекательной походкой. В детстве Джулия была высокой, худенькой и неуклюжей девочкой. В школе мальчишки не обращали на нее внимания. В красавицу она превратилась годам к двадцати. Примерно в это время на курсах секретарей-референтов ее заметил Галлахер и пригласил к себе в компанию. Через некоторое время Джулия стала его личным секретарем. Галлахер был примерным семьянином, но это не мешало ему любоваться Джулией. Он очень часто вызывал ее к себе в кабинет по пустяковым поводам. И наслаждался ее фигурой, походкой и мягкой игрой бедер, глядя вслед уходящей красавице. В эти моменты Галлахер был на вершине блаженства, совершенно забывая обо всем окружающем. Он даже ревновал Джулию, когда замечал много мужчин в приемной. Джулия с некоторых пор осознала свою привлекательность и способность покорять мужчин. Частенько, особенно когда в приемной было много мужчин, она разворачивалась в кресле, и, заложив одну ножку на другую, позволяла себе мило болтать о разных пустяках.

Позднее развитие уберегло Джулию от судьбы большинства девушек – ранней связи с мужчинами. Став красавицей, она осторожно относилась к знакам внимания со стороны мужчин и не давала ни кому из них повода для надежды. Несмотря на уверенность большинства мужчин в ее богатом любовном опыте, Джулия по-настоящему еще никого не любила. К рабочим обязанностям Джулия Уолтерс относилась очень серьезно и дорожила отношением к ней со стороны босса. Сама же она относилась к Галлахеру скорее как к отцу, чем к руководителю. Сегодня на ней был строгий костюм синего цвета, особенно подчеркивающий безукоризненно стройную фигуру.

Джулия везла перед собой изящный столик с чашечками для кофе и стаканы с холодной водой. Когда Саммерс встретился с ее взглядом, то невольно улыбнулся, так она была хороша. Джулия подкатила к ним столик и поставила на стол чашечки и стаканы. Тяжело вздохнув, она сказала:

– Ваш кофе, господа… Вот фотография Эрденштейна, мистер Галлахер сказал, что она вам нужна… Если необходимо, я готова ответить на ваши вопросы.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – улыбнулся Саммерс. – Присаживайтесь, мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Джулия села на край ближайшего стула. Она поджала ноги, скрестив руки на коленях, и опять тяжело вздохнула.

– Еще раз, прошу вас, не волнуйтесь, – с улыбкой сказал Саммерс. – Скажите, как вас зовут?

– Джулия Уолтерс.

– Кем вы работаете?

– Секретарем руководителя компании Гарри Галлахера.

– Вы были на вчерашнем совещании?

– Да.

– Расскажите, как оно проходило, – попросил Саммерс.

– Как обычно. Обсуждались различные проекты, – сказала Джулия, выдавливая из себя каждое слово.

– Скажите, Джулия, как остальные участники совещания относились к Эрденштейну? Оказывалось ли на него давление со стороны руководства? Были у него конфликты с другими участниками совещания?

– Нет, что вы! – заговорила Джулия. Говорила она быстро, словно пыталась освободиться от какого-то груза. – На него никто не давил. Мистер Галлахер относился к Эрденштейну с почтением, никогда не позволял себе, да и кому-либо другому, притеснять его. Что касается конфликтов? Мне трудно, что-либо сказать. Возможно, были. Эрденштейн очень сложная личность. С одной стороны, сильный характер, а с другой стороны, весь он какой-то противоречивый. Кроме того, было в нем что-то демоническое, я бы даже сказала, зловещее… Мне трудно объяснить, но что-то такое в нем было. Да и проработал он у нас недолго, поэтому я ничего не слышала о каких-либо конфликтах Эрденштейна с другими работниками компании.

– Скажите, Джулия, как проходило это совещание?

– Две недели тому назад, мистер Галлахер дал поручение руководителям отделов подготовить предложения по разработке перспективных моделей кинопроекторов. У нас три отдела и на вчерашнем совещании было представлено три проекта. Проект Эрденштейна не получил поддержку, и он крайне раздраженный покинул зал. И теперь вот…

– Почему отвергли проект Эрденштейна?

– Мне трудно об этом судить, в технических вопросах я плохо разбираюсь, – смущенно ответила Джулия.

– А кем был отвергнут этот проект?

– Проект Эрденштейна не поддержали все участники совещания.

– Его сильно критиковали?

– Нет, но Эрденштейн просто взбесился, когда проект не был принят.

– Чей же проект победил? – спросил Саммерс.

– Джейка Макгрегори.

– Понятно. А вы вели стенограмму совещания?

– Нет, у нас на совещаниях не ведется подробная запись, я записываю только поручения мистера Галлахера и сроки их выполнения.

– Ну вот, Джулия, все позади, у меня нет больше вопросов, – сказал Саммерс, улыбаясь и разводя руки в стороны. – Надеюсь, вы убедились, что в криминальной полиции работают не такие уж страшные люди.

– Извините, сэр, просто меня ни разу не допрашивали, – смущенно призналась Джулия.

– Что вы, Джулия, это не допрос, мы просто побеседовали, – рассмеялся Саммерс.

– Спасибо, сэр. Я могу идти?

– Да, конечно.

– Все участники вчерашнего совещания уже оповещены, и скоро будут здесь.

– Очень хорошо, – улыбнулся полицейский.

– Да, шеф, – простонал Хаппел, проводив Джулию восторженным взглядом, – хороша штучка.

– А вот тут, Хаппел, я с тобой абсолютно согласен, на все сто… Да, это вам не фунт лапшички.

– Шеф, теперь я, кажется, понял, что такое икебана.

Они оба рассмеялись.

Глава 5

Саммерс взял со стола фотографию Эрденштейна. Чем больше он смотрел на фотографию, тем больше в душе соглашался с Джулией. Было что-то в лице Эрденштейна таинственное и зловещее. Очень оригинальное лицо, такое запоминалась с первого взгляда на всю жизнь. Несмотря на явную асимметрию и худощавость, его лицо нельзя было признать неприятным и тем более отталкивающим. Левая щека более впалая, чем правая, нос слегка повернут вправо, выраженная складка между бровей была сдвинута влево. Но, главное, глаза. Густые и массивные брови тяжело нависали над верхней частью усталых глаз. Создавалось впечатление, что взгляд был направлен не в глаза смотрящего, а глубже, прямо в мозг. Неожиданно Саммерс пришел к выводу, что ему трудно оторваться от фотографии, особенно от глаз Эрденштейна.

«Скорей всего, именно таким и должен быть гипнотизер. Во всяком случае, именно такими я себе их и представляю. Наверно, Эрденштейн мог легко повелевать другими людьми» – думал Саммерс, рассматривая фотографию.

Он оторвался от фотографии только когда в зал вошел уже немолодой человек.

– Доброе утро, мое имя Уинстон Джексон. Я руководитель финансового отдела компании.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Саммерс, – нам необходимо задать вам несколько вопросов о вчерашнем совещании.

Уинстон Джексон представлял собой полного, вечно красного и потеющего человека, в очках, с хрипловатым голосом и платочком в руках, которым он постоянно вытирался. Джексон давно страдал сердечной недостаточностью. Скорее всего, она была связана с наследственными факторами, хотя немаловажную роль в развитии болезни сыграл его беспокойный характер. Его беспокоили любые, даже незначительные события. Причем, самым сложным для Уинстона было не само событие, а его ожидание. Уже за несколько дней до какого-либо совещания, на котором ему предстояло выступать, или ответственной командировки, Джексона начинало лихорадить. А сколько было волнений и сомнений при ухаживании за своей его будущей женой? Посещения психоаналитика не привели к улучшению. Человеку справиться со своей натурой, пожалуй, сложнее всего. Вот и сейчас Джексон испытывал нервное напряжение и беспокойно ощупывал карманы пиджака, наполненные различными пилюлями и таблетками.

– Мистер Джексон, пожалуйста, не волнуйтесь, – осторожно начал Саммерс, видя, в каком состоянии находился, только что вошедший человек. – Нам необходимо выяснить всего лишь несколько вопросов, связанных со вчерашним совещанием.

– Да, действительно, вчера у нас состоялось очень важное совещание, – подтвердил Джексон. – Однако мне не хотелось бы обсуждать с вами вопросы финансовой политики компании.

– Что вы, мистер Джексон, – принялся его успокаивать его полицейский, – нас совершенно не интересуют вопросы финансовой политики компании. Мы здесь только лишь для того, чтобы выяснить все обстоятельства, приведшие к трагической гибели сотрудника вашей компании Эдуарда Эрденштейна.

– Как, Эрденштейн погиб? – растерянно спросил финансист. – О боже, неужели это правда?

– Похоже, что да. Есть все основания предполагать, что сегодня утром он разбился в своем автомобиле.

Руки Джексона задрожали, он, извинившись, достал из кармана баночку с таблетками, и принял одну из них.

– Мистер Джексон, постарайтесь успокоиться и понять, что нас интересуют только те обстоятельства совещания, которые связаны со взаимоотношениями Эрденштейна с сотрудниками компании. Постарайтесь вспомнить все детали этого совещания.

– Хорошо, попробую… Хотя, что там вспоминать. У компании очень сложное финансовое положение. Поэтому все силы сейчас направлены на подготовку к участию в конкурсе, связанного с поставкой кинопроекционной аппаратуры в африканские страны. Накануне наши ведущие инженеры сделали ряд интересных предложений, которые позволяют без существенных финансовых затрат доработать нашу основную модель СН-200. В результате чего проектор будет полностью соответствовать сложным климатическим условиям африканского континента. Более того, наши специалисты не забыли даже про защиту от насекомых, которых там великое множество. В результате у нас появилась немалые надежды на победу в конкурсе. А эта победа, должен сказать вам, господа, позволит компании смело смотреть в будущее, произвести технологическую перестройку и перейти к выпуску новых перспективных моделей.

– Мистер Джексон, – стараясь сохранить спокойный тон, сказал лейтенант, – все, что вы рассказали, представляет определенный интерес. Однако постарайтесь вспомнить о конфликте Эрденштейна с руководством компании. Возможно, к нему необоснованно выдвигались какие-либо претензии, кто-либо пытался его оскорблять, может быть, даже угрожал?

– Эрденштейн? А он тут при чем? – с удивлением пожал плечами Джексон. – Одну минуточку… Кажется, я начинаю понимать, что вас интересует… Вы уж меня извините: в голове одни финансовые проблемы, никак от них не избавиться. Действительно, вчера Эрденштейн со скандалом покинул совещание. Хотя, должен вам сказать, вел он себя как мальчишка. Ничего оскорбительного в его адрес я не услышал… Вообще, мне кажется все было наоборот. Именно Эрденштейн вел себя вызывающе. С самого начала совещания он был слишком агрессивным, от него исходило какое-то нервное напряжение, создавалось впечатление, что решается что-то исключительно важное для него. Я никогда не видел его в таком состоянии, хотя он частенько вел себя надменно, но именно вчера он превзошел самого себя.

– А вы не могли бы сказать, почему отклонили проект Эрденштейна? – осторожно спросил Саммерс.

– Толком ничего сказать не могу, так как сам ничего не понял… Вот с проектом Джейка Макгрегори все понятно. Он представил прекрасный материал: большое число схем и чертежей, электронная презентация, интересный доклад. А с проектом Эрденштейна?… Он ничего не представил, по поводу его предложений было сказано всего лишь несколько слов, смысл которых я не сумел уловить. Я ведь финансист… Вот и все. Затем Эрденштейн возмутился, оскорбил всех присутствующих и покинул совещание.

– Значит, ничего оскорбительного в адрес Эрденштейна со стороны других участников совещания не прозвучало? – поинтересовался полицейский.

– Нет ничего, у нас совещания всегда проходят в корректной атмосфере.

– Спасибо, мистер Джексон, вы нам очень помогли. Можете быть свободным.

Уинстон Джексон поблагодарил полицейских, принял очередную пилюлю и усталой походкой направился к выходу.

– Не приведи господь, жить на одних таблетках, – грустно сказал Саммерс. – Хотя, кто знает, как сложится жизнь?

Затем в зал вошел руководитель отдела маркетинга компании Чарльз Абрахамсон. Бывший военный, всегда подтянутый и опрятный. У него была отлично сохранившаяся, загорелая кожа и абсолютно седые волосы, коротко постриженные и торчащие во все стороны ежиком. Особенно молодо выглядели его глаза, они словно светились особой энергией, будто

Абрахамсону и не было пятидесяти лет. Обладая отменным здоровьем, он привык постоянно колесить по стране и по всему миру, бывая в служебных командировках.

Была у Абрахамсона и другая сторона жизни, которую он всячески старался скрыть. Чарльз являлся страстным поклонником прекрасного пола, причем обожал в женщинах только тело, их характер его просто раздражал. Именно ему принадлежала знаменитая во всей компании фраза: «Какое было бы счастье, если бы у женщин были только ножки. Но у них ведь есть еще и голова!» Абрахамсон никогда не был женат – сначала военная служба, затем постоянные командировки не способствовали созданию семьи. Бывая в различных странах, Абрахамсон всегда выкраивал время для посещения различного рода злачных мест. Он постоянно вступал в связь с женщинами легкого поведения, при этом Абрахамсону больше всего нравилось не само овладение женщинами, а созерцание их тел. Абрахамсон не мог пройти мимо красивой женщины, не оглянувшись. Его глаза постоянно выискивали в толпе красивые и стройные женские фигуры. Кроме того, он накопил у себя целую коллекцию эротических предметов и литературы.

– Чарльз Абрахамсон, руководитель отдела маркетинга, – коротко представился он.

– Мистер Абрахамсон, нам необходимо задать вам несколько вопросов.

– Пожалуйста, сэр, я готов.

– Нас интересует, как проходило вчерашнее совещание?

– Как обычно, сэр, в деловой обстановке, – невозмутимо ответил Абрахамсон.

– Что вы можете сказать о конфликте Эрденштейна с другими участниками совещания?

– Никак нет, никакого конфликта не было, – также невозмутимо продолжал руководитель отдела маркетинга. – Эрденштейн всегда исключительно болезненно относился к критике своей работы. Просто вчера с ним случилась настоящая истерика. Думаю, что в таком состоянии можно легко угодить в автомобильную катастрофу.

– И, все же, – настаивал полицейский, – не считаете ли вы, что чье-либо неосторожное высказывание, или замечание, спровоцировало подобное поведение Эрденштейна?

– Никак нет, сэр. Ничего оскорбительного в его адрес на совещании не прозвучало.

– А вы, лично, поддержали его проект?

– Нет, сэр.

– Как вы объяснили свое несогласие с его проектом?

– Мы были едины во мнении с Гарри Галлахером. Предложения Эрденштейна не соответствуют профилю нашей компании. Для осуществления подобных проектов у нас нет, ни производственной базы, ни необходимых финансовых средств.

– Мистер Абрахамсон, а в чем суть проекта Эрденштейна?

– Извините, сэр, мне не хотелось бы обсуждать с вами техническую сторону вопроса.

– Понимаю… А вы не замечали пристрастий Эрденштейна к алкоголю или наркотическим средствам?

– Нет, сэр. Ничего подобного никогда за ним не замечал и не слышал от других.

– Благодарю вас, мистер Абрахамсон, у нас нет больше к вам вопросов.

Дождавшись пока Абрахамсон выйдет из зала, Саммерс спросил своего подчиненного:

– Что думаешь?

– Крутой мужик, такого не «раскрутишь».

– Да, – согласился лейтенант, – военного видно за милю, такое остается на всю жизнь.

В зале появился хорошо сложенный молодой мужчина лет тридцати.

– Доброе утро, мое имя Джейк Макгрегори. Я руковожу отделом компании.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Саммерс, – нам необходимо задать вам несколько вопросов.

Джейк с отличием окончил университет и был способным инженером. Он относился к тому поколению, молодость которого накрыла волна сексуальной революции. В то время

было модным вступать в половую связь, даже не выясняя имя человека. Джейк смолоду был весьма привлекательным, и поэтому его студенческие годы протекали бурно. Однако ни одна из этих связей не оставила в его душе заметного следа. Несмотря на многочисленные похождения, Джейк успевал хорошо учиться, и после окончания университета, в первую очередь благодаря своим способностям, быстро стал квалифицированным специалистом. В компании он начал работать четыре года назад. За это время, благодаря постоянным предложениям по улучшению конструкций и производству кинопроекционной аппаратуры, Джейк быстро продвинулся по службе и стал руководителем ведущего отдела компании.

Год назад он влюбился в Джулию Уолтерс. Это была любовь с первого взгляда, о существовании которой Джейк неоднократно слышал, и которая пришла к нему только сейчас, в зрелом возрасте. Теперь вся жизнь Джейка разделилась на две части – до, и после встречи с Джулией. После этой встречи Джейк начал замечать в себе существенные изменения. Он словно очнулся от какого-то оцепенения и стал взрослеть, осознавая ответственность мужчины не только за свою жизнь, но и перед будущей семьей, перед будущими детьми. Позднее Джейк начал замечать, что и Эрденштейн начал проявлять интерес к Джулии. И более того, он пытался за ней ухаживать – приносил цветы, сладости, рассказывал двусмысленные истории… Джейк ревновал Джулию ко всем мужчинам, однако Эрденштейна он ненавидел больше других.

Узнав об автомобильной катастрофе, Джейк старался выглядеть как можно более спокойным. Однако известие о смерти Эрденштейна привело его в некоторое замешательство. С одной стороны, эта смерть снимала многие вопросы, волновавшие в последнее время Джейка, с другой, его воспитание не позволяло злорадствовать по этому поводу. И все же, сейчас верх брало чувство удовлетворенности. Джейк чувствовал, что с его плеч словно свалился какой-то груз, груз неизвестности, но чувство ненависти к Эрденштейну в его душе все же не утихало.

– Мистер Макгрегори, расскажите о вчерашнем совещании, – обратился к нему Саммерс.

– Вас, видимо, больше интересует скандал, который устроил Эрденштейн на совещании? – спросил Джейк.

– Не только, – уклончиво ответил полицейский.

– Поведение Эрденштейна на совещании было неадекватным, – с некоторым раздражением сказал Джейк, – как впрочем, не только на последнем совещании. Тип наглый, надменный и слишком самоуверенный. Мне не понятна роль Эрденштейна в компании, и отношение к нему Галлахера. На мой взгляд, его давно нужно было гнать отсюда.

– Почему был отклонен проект Эрденштейна? – спросил Саммерс.

– Потому, что предложение Эрденштейна не связано с конструированием кинопроекторов.

– Почему вы так считаете?

– Мне не хотелось бы обсуждать технические проблемы… Да, их, похоже, в его предложениях и не было.

– Скажите, Макгрегори, а не было ли у вас когда-либо конфликтов с Эрденштейном?

– Конечно, не было, я стараюсь не иметь никаких дел с подобными типами, можно сказать, обхожу их стороной.

Джейк не сказал всю правду. Однако не только потому, что не хотел связываться с полицией. Он даже себе самому, в глубине души, не мог признаться, что боялся Эрденштейна как соперника. Соперника во всем. И не только в отношениях с Джулией, но и как конкурента на лидерство в компании. Хотя Джейк всегда неодобрительно отзывался о деятельности Эрденштейна, где-то на уровне подсознания он признавал его как очень сильного теоретика и конструктора. Даже трудно предположить, что давало повод для такого признания,

ведь на совещаниях Эрденштейн чаще всего молчал, не представляя никаких идей и проектов. И все же Джейк каким-то непонятным образом ощущал силу интеллекта Эрденштейна.

– Ну, что же, Джейк, у меня нет больше к вам вопросов, – сказал Саммерс, – можете быть свободными.

Оставшись вдвоем, полицейские переглянулись. Из ответов участников совещание трудно было составить объективное представление о его ходе. Хаппел тяжело вздохнул и спросил:

– Шеф, вам не кажется, что и этот тоже какой-то взвинченный?

– Похоже, ты прав. Чувствуется напряженность и нежелание говорить правду… Хотелось бы узнать, что же на самом деле здесь вчера произошло?

Глава 6

Осталось поговорить с последним участником совещания, с Гербертом Уингли. Однако его все не было. Джулия Уолтерс по поручению Галлахера контролировала приход участников совещания. Она звонила в отделы, вызывала нужных людей, старалась их подбодрить. Джулия также обратила внимание на задержку Уингли. Позвонив еще раз в отдел, и убедившись, что Уингли уже вышел, она начала его искать. Джулия вышла в холл перед приемной и увидела Герберта Уингли. Он делал вид, что старательно рассматривает листки одного из больших растений, занимавшего весь угол холла. Джулия сразу догадалась, в чем дело. Она подошла, и с трудом сдерживая улыбку, спросила:

– Герберт, вы ничего не забыли?

– Нет, нет, Джулия, – вздрогнув, ответил Уингли, – как вы могли так подумать? Я ничего не забыл. Просто засмотрелся на строение листков. Надо сказать, очень интересная штука.

Джулия не выдержала, и широко улыбнувшись, положила руку ему на плечо:

– Герберт, вы даже не представляете себе, как я боялась идти туда. Однако оказалось, что ничего страшного нет. Просто задали несколько вопросов о вчерашнем совещании и все. Ведь ничего страшного вчера не произошло. Идите, вас уже ждут. И скоро все кончится.

– Да, конечно, я уже иду, – ответил Уингли, стараясь выглядеть как можно более мужественным.

Герберт был высок ростом, худощав, носил очки круглой формы, аккуратную прическу, всегда был чисто выбрит, старался одеваться опрятно и неброско. Основным недостатком его были излишняя скромность и застенчивость, и причиной этого, скорей всего, была его мать. Женщина очень властная и беспокойная, в детстве она постоянно контролировала каждый шаг маленького Герберта, одергивая его ежеминутно, оберегая от малейшей опасности. Отец Герберта не занимался ни воспитанием сына, ни домашними работами, дома он всего лишь отдыхал после напряженной работы врача скорой помощи. Мать одна тянула хозяйство и выполняла по дому всю работу, и женскую, и мужскую. Естественно, что она была главой дома. Опека матери, ее постоянный прессинг, довлели над маленьким Гербертом все детство и юность. В таких условиях из мальчика не мог сформироваться полноценный мужчина, но отца это, видимо, не очень беспокоило, а мать была уверена, что передает сыну универсальный жизненный опыт. Сейчас его родители уже ушли из жизни. Отец погиб в автомобильной катастрофе, когда Герберту было пятнадцать, а мать умерла от обширного инсульта, когда он учился на последнем курсе университета.

В среде сверстников Герберту всегда было тяжело. Его не брали играть вместе со всеми, постоянно смеялись над ним, придумывали смешные прозвища. Герберт часто плакал, и не мог никому рассказать о своих переживаниях. Постепенно он стал бояться всего на свете. Боялся сильных мальчишек, боялся родителей, боялся девушек, и особенно боялся полицейских.

Служебная карьера Герберта Уингли складывалась весьма успешно, он был очень талантлив. Вначале его излишняя застенчивость не позволяла ему в полной мере проявлять свои способности, но затем у него постепенно сложился оригинальный метод воплощения своих идей. Герберт заходил в кабинет Галлахера и осторожно, как бы невзначай, излагал сущность своих идей. Через несколько дней, Галлахер, «переварив» идеи Уингли, выдавал их за свои, и назначал Герберта ответственным за их реализацию. В душе Уингли раздражало такое положение, но постепенно он привык к подобной роли. Во-первых, идеи выдвигал Галлахер, и никто не смел сомневаться в их важности;, во-вторых, Герберта начали продвигать по службе и он стал руководителем важного отдела компании.

Через минуту Герберт Уингли был уже в зале. Поздоровавшись с полицейскими, он извинился за опоздание:

– Извините, что заставил ждать себя. Я задержался в отделе. Пришлось решать неотложные дела.

– Не стоит извиняться, – ответил Саммерс. – Во-первых, вы на работе, во-вторых, мы не так уже и долго ждали вас. Да и скучать не пришлось, мы просто любовались интерьером зала. Красиво тут у вас.

– Да красиво, – согласился Герберт, при этом он широко улыбнулся и как-то внутренне успокоился. – Причем не только здесь, но и везде, даже в производственных помещениях. Наше руководство уделяет этому вопросу большое внимание. Красивый интерьер помогает работать. Я бы даже сказал, что такой интерьер придает чувство гордости за свою работу, за свою фирму.

– Ну, что же, мистер Уингли, здесь наши точки зрения полностью совпадают. Я рад этому, – продолжил лейтенант. – Однако мы прибыли сюда не для того, чтобы любоваться красивым интерьером вашей компании.

Уингли сразу сник и помрачнел. Казалось, он стал ниже и уже в плечах. Взгляд блуждал с одного предмета на другой, а на лице отразились невыразимая тоска и печаль.

– Мистер Уингли, не волнуйтесь, пожалуйста, – вкрадчивым голосом продолжил Саммерс. Он сразу понял, что собеседник не обладает сильным характером и его можно «разговорить». – Постарайтесь подробнее рассказать о вчерашнем совещании.

– Ну, что вы, я не могу, – возразил Уингли, – у нас в компании существуют строгие правила относительно технической информации.

– Герберт! Как вы могли так подумать? – не сдавался Саммерс. – Мы полицейские, нас абсолютно не интересуют технические подробности. Нам важно понять отношения между людьми. Важно, чтобы восторжествовала справедливость. Возможно, произошедшее на вчерашнем совещании повлияло на Эрденштейна, и он попал в автомобильную катастрофу.

– Возможно, – неуверенно произнес Уингли.

– Вот видите, – продолжал полицейский. – Расскажите подробнее, пожалуйста, помогите следствию.

Герберт Уингли некоторое время сидел, опустив голову, и тяжело вздыхал. Затем неуверенным голосом начал рассказывать:

– Галлахер предложил нам подготовить предварительные предложения по реализации сложного проекта. Очень сложного, я бы сказал, очень необычного. И вот вчера на совещании мы представляли наши соображения по этому поводу. В качестве основы были взяты предложения Джейка Макгрегори, мои предложения взяты в качестве запасного варианта, а предложения Эрденштейна не получили поддержки. Он сильно разозлился и покинул совещание. Вот, собственно, и все.

– А вы очень расстроились из-за того, что не ваш вариант был признан основным? – вкрадчивым голосом спросил Саммерс.

– Нет, что вы, – с некоторым облегчением ответил Уингли. – Я даже рад, что не придется ломать голову над всем этим.

– Что же мог предложить Галлахер, чтобы с этим не смог справиться такой способный человек, как вы? – настаивал полицейский.

– Представляете, – с некоторым возмущением проговорил Уингли, – вздумал осуществлять демонстрацию кинофильмов без экрана, прямо в воздухе.

– Как это без экрана?

– А вот так, прямо в воздухе. Причем изображение должно быть настолько большим, чтобы его могли смотреть несколько сот зрителей.

– И победил проект Джейка Макгрегори?

– Да, очень роскошная идея… Представляете, он предложил установку, основанную на так называемом, ионно-плазменном генераторе. Генератор создает ионно-плазменный «экран», который в определенной степени напоминает северное сияние, и на нем формируется элементы изображения за счет фокусировки магнитного поля в нужном для нас участке пространства, а сигнал в генератор подается из обычного видеомагнитофона. Таким образом, установка должна получиться передвижной и относительно недорогой… Признаюсь, мне очень понравился его проект.

– Да, очень здорово, – с наигранным восхищением сказал Саммерс. – Силен этот Макгрегори.

– Силен, – с тоской в голосе согласился Уингли.

– А вы, Герберт, что же предложили?

– Да, самый обыкновенный лазер, – от досады Уингли даже махнул рукой. – Просто за две недели ничего стоящего в голову не пришло, а нужно было что-то докладывать.

– Чем же лазер хуже ионно-плазменного генератора?

– Просто для создания изображения лазеру необходима какая-либо поверхность, тот же самый экран, или большая стена… Так, что, прямо в воздухе не получается.

– Понимаю, понимаю, – с сочувствием произнес полицейский. – И что же предложил Эрденштейн?

– Я точно не знаю. Мне показалось, что он предложил какое-то устройство, действующее непосредственно на психику людей.

– Неужели такое возможно? – удивился Саммерс.

– Не знаю, – пожал плечами Уингли.

– Но, скажите, Герберт, – настаивал полицейский, – в какой форме были отклонены предложения Эрденштейна? Не оказывалось ли на него какое-либо давление? Было ли совершено что-нибудь оскорбительное по отношению к нему?

– Нет, ничего не было, – уверенно ответил Уингли. – У нас совещания всегда проходят в доброжелательной, корректной обстановке. А если и говорить о каком-либо неуважении, то оно могло исходить только от самого Эрденштейна… Сложный тип.

– Большое спасибо, мистер Уингли, – сказал Саммерс, закрывая свой блокнот. – Благодаря вашей помощи мы выяснили, что в случившемся нет вины участников совещания.

– Конечно, нет, – с облегчением сказал Герберт.

– Мистер Уингли, можете быть свободными. Продолжайте работать, если понадобится, мы вас разыщем.

Герберт Уингли стремительно вышел из зала. Полицейские вышли вслед за ним. На пути им встретилась Джулия Уолтерс. Саммерс попросил у нее адрес проживания Эрденштейна. Получив адрес, полицейские хотели покинуть здание компании, но Джулия попросила их немного подождать. Она по телефону предупредила охрану и помогла спуститься на лифте, объяснив, что посторонние не могут воспользоваться им.

Глава 7

Полицейские возвращались в отделение. На этот раз Саммерс вел машину с невысокой скоростью. Он был весь сосредоточен на своих мыслях. Неожиданно прервав свои размышления, Саммерс спросил сержанта:

– Хаппел, что ты думаешь обо всем этом?

– Мне кажется все просто. Этот Эрденштейн крайне неуравновешенный тип, психанул на совещании и носился на машине весь день, пока не врезался. Не удивлюсь, если экспертиза покажет наличие алкоголя в его останках.

– Да, действительно, надо дождаться результатов экспертизы, – согласился Саммерс. – И вот еще что… Как только появится время, отправляйся по указанному адресу и постарайся выяснить как можно больше об Эрденштейне. Заодно выясни, не было ли у него банковских счетов.

Однако события складывались по-другому. Незадолго до их приезда поступило тревожное сообщение. В северном микрорайоне, недалеко от школы, какой-то психически ненормальный человек открыл стрельбу из автоматической винтовки. Поэтому Саммерс, как и большинство полицейских, был задействован в операции по нейтрализации этого преступника. Далее потянулась череда обыденных преступлений, и лейтенант уже к следующему утру почти забыл об автомобильной аварии и смерти Эрденштейна.

И вспомнил о вчерашней автомобильной аварии только на следующее утро, когда сержант Хаппел познакомил его с результатами экспертиз. Из протоколов экспертиз следовало, что автомобиль Эрденштейна до самого момента столкновения с дорожным катком для укатывания асфальта был в хорошем техническом состоянии, а в останках обгоревшего трупа выявлено просто колоссальное содержание алкоголя. Познакомившись с результатами экспертиз, Саммерс сказал:

– Да, Хаппел, похоже, что ты был прав относительно причин аварии и смерти Эрденштейна.

– Вот видите, шеф, – сказал с сияющей улыбкой сержант, – я тоже немного понимаю в следственной работе.

– Молодец! А как насчет опроса соседей и сведений из банка?

– Сделал, все сделал, – сказал Хаппел, смеясь. – Жил в гостинице, ничем особенным работникам не запомнился, не скандалил, никого к себе не приводил. А вот счет в банке действительно был, и Эрденштейн его закрыл вечером, накануне аварии. Более того, понимаю, о чем вы сейчас спросите, я обзвонил отделения других банков и почты. Нигде не было открыто нового счета на имя Эрденштейна. Не было также и почтовых переводов, сделанных человеком с такой фамилией.

– Молодец, Хаппел, правильно мыслишь и действуешь. Но где же деньги?

– Денег нигде не было, – ответил сержант. – Часть, скорее всего, пропил, часть сгорела в машине. Может быть, где-то играл. Кстати, я был в казино, показывал там фотографию Эрденштейна. Никто его не опознал. Может быть, какие-нибудь подпольные дела, но это трудно установить.

– Хаппел, ты растешь прямо на глазах.

– Спасибо, шеф. Ваша школа.

– Молодец, так ты сможешь стать хорошим следователем, – сказал Саммерс. – Интересно, а какую сумму снял Эрденштейн?

– Чуть более шестидесяти тысяч долларов.

– Не так уж и мало, – задумчиво сказал Саммерс. – Предположим, получил он всю сумму банкнотами по сто долларов. Это же шестьсот бумажек. Не могли они бесследно сгореть.

– Это верно, шеф, – ответил Хаппел, – но не мы проводили осмотр сгоревшей машины. В протоколе отмечено, что в машине все сгорело дотла. Тут уже ничего не изменишь… Я думаю, дело надо закрывать. Никто претензий не предъявит. Родственников у Эрденштейна нет, в компании, похоже, никто сильно не огорчился, да и к нам до сих пор по поводу его смерти никто не обращался.

– Так и поступим, – согласился Саммерс. – У нас и так дел выше горла. Хотя, подожди еще несколько дней, на всякий случай… Интересно, это дело ты тоже введешь в компьютер?

– Шеф, я уже все ввел.

– И что же именно ты ввел?

– Все, – ответил Хаппел, – протоколы с места аварии, протоколы опроса свидетелей и опознания вещей, фотографии разбитой машины и самого Эрденштейна.

– Хорошо, а, сколько времени потребуется для получения всей информации, – спросил Саммерс.

– Всего несколько секунд, – ответил сержант, – причем, доступ можно получить даже с патрульной машины.

– Вот, это здорово, – согласился Саммерс. – Хорошая все-таки эта штука – компьютер.

Глава 8

Прошло три месяца. Компания «Синима текнолоджи» основательно готовилась к конкурсу на поставку кинопроекционной аппаратуры в африканские страны. Были подготовлены опытные образцы, проведены их испытания в условиях схожих с африканскими. Испытания прошли успешно, и у всех царило радостное настроение.

Сотрудники отдела, руководимого Джейком Макгрегори, закончив работы по подготовке к участию в конкурсе, переключились на конструирование ионно-плазменного генератора, предназначенного для демонстрации кинофильмов без экрана для большого числа зрителей. В итоге была создана пробная установка.

Джейка полностью охватил творческий порыв, каких он еще не испытывал в своей жизни. Его мозг работал легко и стремительно, иногда с некоторой лихорадочностью. Он часто просыпался посреди ночи, бросался записывать на разложенные листы бумаги идеи и конструкторские решения. Затем долго не мог заснуть, находясь в возбужденном состоянии. Спустя многие годы Джейку даже не верилось, что все это происходило именно с ним. Но такой период в жизни Джейка был, и, кроме того, была установка, позволяющая создавать изображения прямо в воздухе.

Правда, устойчивого изображения так и не удавалось получить. Джейка это огорчало, но за это время в его жизни произошло событие, которое в значительной степени скрашивало подобные неудачи. Он наконец-таки добился взаимной любви от Джулии Уолтерс. Джейк был безмерно счастлив, и даже не совсем удачный ход работ по разработке ионно-плазменного генератора не сильно портил ему настроение.

Произошли изменения и в жизни Герберта Уингли, причем, совершенно неожиданно для него самого. Однажды во время обеденного перерыва он отправился в ближайший супермаркет, где его внимание привлекла красивая продавщица. Он стоял и жадным взглядом рассматривал ее, не зная, что предпринять. Видимо, вид у него был настолько растерянный и жалкий, что продавщица не выдержала, подошла к Герберту и спросила:

– Молодой человек! Вам помочь сделать покупку?

Уингли пробормотал что-то невнятное. Он не собирался нечего покупать, а только хотел издали посмотреть на эту миловидную и ловкую женщину. Нужно было что-то придумать. В этот момент он заметил, что находится перед стеллажом с товарами для мужчин. На нем находилось такое огромное количество различных предметов, что, даже имея специальный путеводитель по этому стеллажу, можно было легко в нем потеряться.

– Ну, вот… Хотел купить какой-нибудь зажим для галстука, – с трудом выдавил из себя Герберт, – для торжественного случая. Здесь так много всего, что глаза разбегаются.

Из рассказа продавщицы выяснилось, что подбор зажима для галстука – это целое искусство. Необходимо учитывать множество факторов: стиль и цвет костюма, форму и цвет галстука, цвет костюма спутницы, значимость события, и много еще чего, что Герберт, либо сразу забыл, либо даже не сумел понять. Однако дальше ее рассказ неожиданно перешел в иную плоскость. Выяснилось, что продавщицу зовут Эвелин Маршал и она тоже с интересом наблюдает за ним. Уингли, не ожидавший такого поворота, в срочном порядке выбрал первый попавший зажим и решил удалиться из супермаркета, как можно быстрее. Однако при расчете с Эвелин произошло легкое, еле уловимое, прикосновение их рук. Ощущение этого прикосновения что-то изменило в душе Герберта, и, неожиданно для себя, он произнес:

– А, можно я приду завтра, еще чего-нибудь куплю?

– Конечно, можно! – с улыбкой сказала Эвелин, – мы рады всем покупателям, особенно, таким красивым мужчинам, как вы!

Руководитель компании Гарри Галлахер разрывался между необходимостью готовиться к конкурсу на поставку крупной партии кинопроекторов в африканские страны и желанием быстрее создать установку для демонстрации кинофильмов без экрана. Обеспокоенный ходом конструкторских работ, он в очередной раз вызвал Макгрегори к себе в кабинет.

– Ну что, Джейк, как идут дела?

Джейк, тяжело вздохнув, ответил:

– Установка по-прежнему не дает устойчивое изображение… В нижней части экрана изображение хорошее, но чем выше – тем хуже, а в верхней части пропадают не только цвета, но и мелкие элементы изображения. Возможно, необходимо увеличить мощность установки, но фокусировать магнитное поле в верхней части экрана очень сложно. Разница между токами, необходимыми для фокусировки магнитного поля в нижней и верхней частях экрана, просто колоссальная. К тому же, установка оказалась очень чувствительной к изменению влажности, электромагнитным излучениям и порывам ветра… Да, и насекомые.

– Что насекомые? – недоуменно спросил Галлахер.

– Насекомые летают там, где им вздумается – продолжил Макгрегори. – А попадание инородных тел в рабочую зону генератора вызывают временное нарушение фокусировки, и изображение существенно искажается.

– Да, – безрадостно проговорил Галлахер – мы и так вложили немало средств в этот проект. Еще меньше надежд на проект Герберта Уингли. Жаль! Видимо, учитывая финансовое положение нашей компании, придется прекращать работы над проектами. Вот, если мы сможем победить в конкурсе, тогда снова сможем вернуться к их разработке.

– Гарри, я не сказал вам всего. Понимая всю сложность получения устойчивого изображения, я решил поделиться своими трудностями с Уингли. Мы решили объединить два наших проекта и поэкспериментировать. В частности, поэтому в результате, на ионизированный поток, создаваемый нашим генератором, мы стали направлять лазерный луч. А луч, естественно, управлялся сигналом с видеомагнитофона.

– И что же получилось? – с некоторым интересом спросил Галлахер.

– Получилось стабильное изображение весьма высокого качества. Правда, на изображении отсутствует цвет. В какой-то степени это напоминает экран черно-белого телевизора. При тех мощностях, которые мы использовали, у нас получилось изображение три метра в высоту и четыре метра в ширину. Для получения большего изображения необходимо значительно увеличить мощность установки. Однако думаю, что у подобных установок весьма приличная перспектива. Любят сейчас всякого рода лазерные шоу и тому подобное, а после окончательной доработки проекта можно вернуться и к первоначальной идее – демонстрации кинофильмов без экрана для большой аудитории.

После некоторой паузы Гарри Галлахер сказал:

– Это интересно. Жаль, мы не додумались об этом сразу… И, все же, есть качественное изображение без экрана. Ведь получилось?

– Да, и мы первые – радостно ответил Джейк.

Лицо Галлахера на некоторое время засветилось от радости. Видимо, он мысленно торжествовал. Еще бы! Начала осуществляться самая грандиозная, самая фантастическая идея в его жизни. Идея, которую он носил внутри себя столько лет. Постепенно выражение его лица вернулась к первоначальному, и он продолжил:

– Отлично! Однако, учитывая, что компания испытывает серьезные финансовые затруднения, я принимаю решение о прекращении финансирования экспериментальных работ по созданию установки для демонстрации кинофильмов без экрана и ускорению оставшихся у нас работ. А к реализации подобных проектов мы обязательно вернемся в будущем. В частности, если удастся выиграть конкурс… Наше финансовое положение последнее время очень сложное. Да и, вообще, если бы знать, что ждет нас впереди?

Это сообщение не очень огорчило Джейка. Он в глубине души уже осознал бесперспективность ионно-плазменного генератора, во всяком случае, разрабатываемого им варианта. В данный момент его больше занимала идея свадьбы с Джулией Уолтерс. Джейк сегодня собирался сделать ей официальное предложение.

Через некоторое время Гарри Галлахер вспомнил о последней нерешенной проблеме:

– Джейк, а кстати, удалось полностью решить проблему насекомых в наших проекторах, предназначенных для участия в конкурсе?

– Думаю, что да, полностью. Мы закупили исключительно мелкую и легкую сетку из очень устойчивого материала. Незначительные технологические изменения при окончательной сборке корпуса кинопроектора позволяют легко справиться с ее установкой. При этом наш аппарат становится недоступным не только для насекомых, но и для незадачливых механиков-взломщиков. Такое положение позволяет нам контролировать сервисное обслуживание наших изделий, а это дополнительные прибыли.

– Хорошо, а сейчас, Джейк, временно отложи работу над проектом и сконцентрируйся над заключительной подготовкой к участию в конкурсе. Осталось совсем мало времени. Иди, работай.

На этом разговор закончился, и Джейк, послав по пути воздушный поцелуй Джулии, направился в свой отдел. Находясь в приподнятом настроении, Джейк решил довести дело до конца. Он аккуратно сложил все чертежи и схемы, относящиеся к проекту. Затем внимательно просмотрел всю информацию в компьютере. После этого расчистил свой стол и обнаружил три книги, которые он должен был вернуть в библиотеку местного университета еще два месяца назад. Джейк поморщился и представил себе не совсем приятные объяснения с библиотекарем по поводу задержки книг. Кроме того, придется платить еще и штраф. Однако делать нечего, и Джейк взяв книги, поехал в библиотеку. Он надеялся побыстрее их сдать и подготовиться к встрече с Джулией.

Глава 9

Зайдя в здание университетской библиотеки, Джейк уверенным шагом направился в нужный ему отдел. Поздоровавшись с дежурным библиотекарем, он начал сдавать книги. И пока библиотекарь оформлял все необходимые документы, Джейк принялся разглядывать посетителей. Переводя взгляд с одного посетителя на другого, Джейк вдруг почувствовал, как у него сжалось сердце. Наконец он осознал, что один из сидящих в отделе посетителей удивительно похож на Эдуарда Эрденштейна…

– Мистер Макгрегори, с вас штраф пятнадцать долларов пятьдесят четыре цента за несвоевременную сдачу книг – обратился к Джейку библиотекарь.

После того как Джейк рассчитался, библиотекарь спросил его:

– Мистер Макгрегори, вы больше не собираетесь брать книги в нашей библиотеке сейчас.

– Нет, спасибо, мне больше ничего не надо.

– Хорошо, при необходимости заходите к нам снова.

После разговора с библиотекарем Джейк вновь повернулся лицом к залу, с тем, чтобы еще раз повнимательнее рассмотреть человека, похожего на Эрденштейна. Однако того человека уже не было. Неведомая сила двинула Джейка в направлении стола, за которым сидел человек, удивительным образом похожий на Эрденштейна. Макгрегори стал внимательно рассматривать пустой стол. Джейк не мог освободиться от странного чувства, будто здесь только что сидел человек, похожий на Эрденштейна. Казалось, само пространство хранило следы только что бывшего здесь человека. Джейку показалось, что он непонятным образом чувствует его запахи и дыхание. Шорохи листков книг, скрип стула. Он прикоснулся ладонью к сиденью стула. Стул был еще теплым, он хранил тепло сидевшего здесь человека. Здесь только что кто-то был. Но почему ему показалось, что это был Эрденштейн? Джейк закрыл глаза, постарался внимательнее вспомнить образ человека, удивительным образом похожего на Эрденштейна. Поразительное сходство.

– Да, мистика какая-то, – прошептал Джейк, – ведь Эрденштейн мертв!

Джейк почувствовал, как тяжело и гулко стучит его сердце. Неожиданно за его спиной раздался знакомый голос библиотекаря:

– Мистер Макгрегори, вы ищите что-нибудь?

От неожиданности Джейк вздрогнул, но, быстро взяв себя в руки, повернулся и ответил:

– Нет, что вы! Я просто задумался.

С этими словами Макгрегори направился к выходу из зала. Его не покидало сильное волнение, сердце продолжало неистово стучать, руки дрожали. Выйдя из здания библиотеки, Джейк перевел дыхание, немного успокоился. После этого он решил взять себя в руки и постарался настроиться на встречу с Джулией Уолтерс сегодня вечером. Джейк придавал этой встрече особое значение.

Они должны были встретиться в ресторане «Альбатрос», оформленном под старинный корабль. Джулия просила не заезжать за ней, и собиралась приехать на встречу сама. Сев за столик, Джейк заказал ужин и немного легкого вина, затем осмотрелся вокруг. Массивные столы были сделаны из темно– красного дерева, стулья из такого же дерева внешне были массивны и неуклюжи, но сидеть на них было удобно. Стены обшиты деревянными досками и драпированы рыболовецкими сетями, украшены штурвалами старинных кораблей, кортиками, старинными ружьями и саблями. Освещение создавалось светильниками, имитировавшими свет факелов. Поэтому все предметы освещались волнообразно, странными

переливами желтого, оранжевого и красного цветов. На каждом столе стоял подсвечник с тремя свечами.

Неожиданно зазвучала музыка, причем, звуки раздавались сверху. Джейк невольно поднял голову. На С верху располагался высокий купол, оформленный в виде звездного неба. Этот эффект создавали маленькие лампочки, рассеянные на черном фоне. Джейк присмотрелся и неожиданно осознал, что лампочки расположены в виде созвездий ночного неба. Но откуда музыка? Джейк начал оглядываться и заметил в стороне на небольшом возвышении двух музыкантов. В руках одного бас-гитара, другой играл на клавишном синтезаторе. Их громкоговорители были направлены вверх, поэтому звуки отражались от потолка. Синтезатор имитировал звучание органа. Звучание одновременно мощное и воздушное. Ритм поддерживали плотные звуки баса, проникавшие, казалось бы, прямо в сердце. И все эти звуки лавиной ниспадали сверху на посетителей. Джейк физически чувствовал звуки своими плечами. Приятный тембр и необычное направление звука в сочетании со звездным куполом над головой создавали ощущение чего-то нереального, фантастического.

«Господи, какая приятная и знакомая музыка. Что это? – подумал Джейк, – да это же Чайковский, тема из «Лебединого озера». Какая прелесть!»

Наконец появилась Джулия. Она старательно подготовилась к важному и серьезному, по ее мнению, разговору. Длинное платье плотно облегало талию и бедра, приподнимая грудь. Оно не сковывало ее движений, наоборот, следовало ее движениям, выделяя каждую деталь ее тела. При этом на материи образовывались маленькие складочки, которые плавно перетекали друг в друга, образуя своеобразный и восхитительный танец. Посреди грудей упругие соски, покачиваясь в своем собственном ритме, стремились вырваться из-под легкой ткани.

Джулия шла широкими шагами, на ногах у нее были легкие туфли из абсолютно прозрачного материала. Настолько прозрачного, что возникало впечатление полного отсутствия обуви. Пол в ресторане был покрыт ковром цвета морской волны, поэтому казалось, что только что рожденная из пены морской босая Афродита шла прямо по поверхности моря.

Потрясенный Джейк смотрел, не мигая, на Джулию. Внимание всех мужчин, посетителей и официантов, также было приковано к ней. Казалось, что в ресторане наступила поразительная тишина, даже у музыкантов произошел небольшой сбой. Джулия подошла к Джейку, и немного разведя в стороны руки, сказала:

– Ну, вот и я. Здравствуй, Джейк!

Макгрегори некоторое время продолжал неподвижно сидеть, потом подскочил, стремительно подошел к Джулии и поцеловал правую руку.

– Джулия, извини меня. Ты сегодня так восхитительна, что я немного растерялся, – приглушенным от волнения голосом сказал Джейк.

– Ну, что ты, Джейк. Ничего особенного, – кокетливо сказала Джулия. При этом на ее губах сияла улыбка, которая может быть только у абсолютно счастливой женщины.

Джейк усадил Джулию за стол и подал знак официанту. Подошел официант, одетый в костюм пирата. Кроме тельняшки и широких шаровар, правый глаз официанта был перевязан повязкой из темной ткани. И пока официант расставлял на столе блюда, его левый глаз с хищным блеском рассматривал Джулию. Да, что официант. Взоры всех мужчин, не смотря на недовольство их спутниц, были устремлены в ее сторону. Как они завидовали Джейку! Джейк же глядел, не отрываясь, на Джулию, не замечая всеобщего внимания к ней и, похоже, завидовал сам себе. Он любовался Джулией, ее лицом и грациозной шеей. Небольшое янтарное ожерелье и такие же серьги удивительно гармонировали с белокурыми локонами волос. Но, главное, шея. У Джулии волосы всегда были распущены, надет деловой костюм, и Джейк даже не подозревал, что у нее такая удивительно красивая шея. Высокая, легкая, гибкая, с изящным изгибом. В какое-то мгновение у него даже промелькнула мысль: «Почему жен-

щины стремятся носить распущенные волосы? Ведь они скрадывают такую красоту, а на показ выставляют только нос».

После того как на столе было все расставлено и в бокалы налито вино, Джулия спросила:

– Ну, Джейк, за что выпьем?

– За нас с тобой, милая, – сказал Джейк, широко улыбаясь.

– Хорошо, принимается.

Через некоторое время Джулия заметила, что Джейк не такой, как обычно. Разговор между ними сейчас проходил не так легко. Джейк был какой-то замкнутый, напряженный. Джулия спросила:

– Джейк, у тебя все в порядке?

– Да, да, все в порядке.

– Но почему ты сегодня такой задумчивый? – не успокаивалась Джулия.

Джейк решил, что лучше солгать, так как не хотел упоминать Эрденштейна. Поэтому он сказал первое, что пришло в голову:

– Ты, видимо, знаешь, босс сегодня вызывал меня. Он сказал, что… проект мой, в общем-то, закрывается…

– И что? Тебя это очень расстроило? – спросила Джулия.

– Нет не очень, но это не радостная новость для меня. Так что, ничего особенного, дорогая, не волнуйся. Давай поговорим о другом, – Джейку хотелось как можно быстрее закончить эту тему.

– Давай, лучше, потанцуем. Здесь такая приятная музыка, – предложила Джулия.

Джейк пригласил ее танцевать. Джулия, положив обе руки на его плечи, в плотную придвинулась к нему, слегка откинув плечи. Джейк обостренно чувствовал ее прелестное тело даже через пиджак. Упругие груди и живот словно прильнули к нему, но не плотно, наоборот, они плавно двигались вдоль тела Джейка в ритме танца. Все это сильно возбуждало, его руки с непреодолимой силой потянуло вниз, ниже талии, и Джейку пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы руки не опустились слишком низко. Ощущение прелестного тела Джулии под тонкой тканью ее платья, утонченный аромат ее косметики, звуки музыки, ниспадающие сверху, неяркое и рассеянное освещение ресторана, от всего этого Джейк начал терять ощущение реальности. В таком состоянии можно было забыть обо всем на свете. И, действительно, Джейк блаженствовал, забыв, казалось, все неприятности прошедшего дня. Ведь рядом с ним, в его объятиях, была любимая Джулия, такая близкая и желанная.

Неожиданно из самых глубинных уголков подсознания Джейка всплыл образ Эрденштейна. В сознании Макгрегори возникло его лицо, коварный взгляд, и слова, брошенные в тот день перед выходом из зала совещаний: «Джейк, берегись! С тобой я разделаюсь!» Джейк даже поморщился и слегка вздрогнул. Однако этого малейшего движения оказало достаточным для Джулии. Во время танца она своим телом словно слилась с телом Джейка, стала чувствовать его тело как свое собственное, как чувствуют тело и движения партнера танцоры, занимавшиеся бальными танцами вместе много лет. Она с упоением наслаждалась танцем и близостью Джейка, но от его вздрагивания вся встрепенулась, словно лесная лань, внезапно обнаружившая близость хищника. Джулия прогнулась, откинув плечи назад, и посмотрела прямо в глаза Джейка.

– Да что же случилось, Джейк? – с тревогой и одновременно с некоторым раздражением спросила Джулия, – ты сегодня какой-то странный.

Джейк снова пытался убедить ее, что все нормально и беспокоиться не следует. Но Джулия вдруг со всей очевидностью осознала, что он солгал. Словно острой бритвой резануло по сердцу. Ведь люди способны прощать своим любимым что угодно, только не ложь.

Все очарование вечера моментально исчезло, танец закончился сам собой, хотя музыка продолжала играть.

Они вернулись за стол, пытались продолжить ужин. Но все уже было не так – ни окружающая обстановка, ни разговор, ни еда уже не радовали. Они оба испытывали разочарование. Джулия с укором смотрела на Джейка, а он даже боялся взглянуть ей в глаза. Ведь именно он испортил этот вечер. Это тягостное состояние продолжалось и после ресторана, когда Джейк подвозил Джулию домой. Перед тем как расстаться, Джулия опять спросила:

– Джейк, что случилось? Почему ты сегодня не такой как обычно?

И Джейк снова принялся ее успокаивать. Он говорил, что ничего особенного не случилось, что не следует волноваться. Но, увы, Джулию эти объяснения не могли удовлетворить. Она поняла, что Джейк что-то скрывает. В иной обстановке она, может быть, не огорчилась бы до такой степени. Но только не сегодня, только не сейчас. Ведь сейчас он с ней, рядом, а думает о чем-то другом. А, может быть, о другой? Эта мысль, внезапно появившись, стремительно сковала, словно стальными тисками, все ее существо. Наконец Джулия приглушенным голосом, почти со стоном, спросила:

– Скажи всю правду. Неужели у тебя появилась другая женщина?

Именно в этом вопросе, как в концентрированном виде, проявилась вся сущность женщин. Все их величие и вся слабость. Любая из них, даже красавица, на которую устремлены восхищенные взоры всех мужчин, больше всего, боится быть отвергнутой, невостребованной. Ужас невостребованности, ощущение ненужности являются наиболее глубинными чувствами любой женщины, даже маленькой девочки. Это чувство довлеет над любой из них, а иногда, толкает на необъяснимые поступки. Для любой женщины просто необходимо ощущение, что ее красота, вся ее жизнь кому-то необходима, более того, ощущение, что она для како-то является единственной. Именно это чувство внезапно всплыло из глубины души Джулии еще в ресторане, когда она осознала, что Джейк что-то скрывает от нее. Все остальное время это чувство накапливалось, словно электрический заряд в банках электрофорной машины и, наконец, разрядилось, как электрическая искра. Она и сама испугалась этого вопроса, но сдержаться не смогла.

– Что ты, Джулия? – пролепетал потрясенный Джейк. – Как ты могла такое подумать? Мне и в голову не могло прийти такое. Ты самая лучшая на свете! Я люблю тебя всем сердцем, а ты «другая женщина». Господи, как ты могла только подумать такое.

– Джейк, ты правду говоришь? – с некоторым сомнением спросила Джулия.

– Джулия, пожалуйста, не придавай значения отдельным словам, – с досадой сказал Джейк, – я сегодня сам не свой, не могу понять, что со мной происходит. Пойми главное, я тебя очень люблю и прошу стать моей женой.

Джулия с сияющей улыбкой бросилась в объятия Джейка. Этого было для нее достаточно, она услышала все, что хотела услышать.

Глава 10

В это же время на ночное дежурство в местное отделение «Банк оф Америка» заступал охранник Билл Браверс. Это был плотный, хорошо тренированный молодой мужчина, несколько полноватый, но отлично владевший искусством охраны помещений. Он пришел в точно установленный срок – в девятнадцать часов, принял смену, проводил всех сотрудников отделения и, убедившись, что в помещении никого нет, закрыл отделение банка на внутренние замки, включил сигнализацию. После этого Билл поставил перед собой транзисторный приемник, настроился на волну местной музыкальной радиостанции и стал слушать веселую развлекательную передачу.

И потянулось время… На улице уже наступила темнота. Браверс встал, обошел помещение отделения, опытным взглядом охватил все узловые звенья охранных систем и решил немного размяться. Так как было сравнительно душно, Билл приоткрыл маленькую фрамугу в окне, выходящем на улицу. Открывать фрамугу правилами охраны отделения банка не разрешалось, но все охранники делали это, особенно когда было душно. Мощности кондиционеров явно не хватало. Более того, когда стал вопрос о замене оконных рам на новые, охранники упросили управляющего внести в проект изменения и оставить фрамугу в окне, выходящем на западную часть здания. Даже малейший ветерок заметно освежал воздух внутри отделения.

Затем он стал выполнять свой привычный комплекс упражнений, включавший в себя некоторые упражнения из систем восточных единоборств, отжиманий и легкой пробежки по помещению отделения. Размявшись, Браверс достал из пакета термос с кофе и пару бутербродов, заботливо приготовленных его женой. Перекусив, Билл продолжил слушать музыкальные передачи. Настроение у него было просто великолепным.

Через некоторое время, случайно переведя взгляд на мраморный пол отделения банка, Билл заметил красное пятнышко. «Хм, странно! – подумал Билл – Неужели, уборщики перестали выполнять свою работу?»

Но, вдруг, к удивлению своему. он стал замечать, что пятно стало увеличиваться! Причем, возник какой-то непонятный шипящий звук. С этим шипящим звуком пятно начало разрастаться, сначала до размеров яблока, потом до размеров футбольного мяча, и дальше, стало занимать еще большую площадь. Билл от неожиданности протер глаза. Но пятно не исчезло, а наоборот, стало больше! «Что это такое? – подумал он, – я же трезвый!»

Далее, Билл заметил, что центральная часть круга стала подниматься над полом, вытягиваться, образовывая возвышение, похожее на конус вулкана. Неожиданно с сильным хлопком центр этого конуса разорвался и из образовавшегося отверстия повалил густой дым сиреневого цвета. В воздухе появился отвратительный запах, настолько отвратительный, что Браверс не мог даже представить себе, на что похож этот запах. Охранник совсем растерялся.

Билл не мог оторвать взгляда от клубов сиреневого дыма. Клубы причудливо переплетались между собой, складываясь в непонятную фигуру. Через какое-то мгновение сверкнули ослепительные молнии, раздался оглушительный грохот, и на месте клубов сиреневого дыма возникла появилась появилась, невероятно больших размеров, голова чудовища.

Внешне это чудовище напоминало ужасного ящера или дракона. Ничего подобного Браверс никогда раньше, ни в одном фильме ужасов, не видел – низкий покатый лоб, огромные надбровные дуги, раскосые, светящиеся изнутри медным отблеском, глаза без зрачков, большое овальное отверстие вместо носа, огромная пасть, с неимоверно большими зубами саблевидной формы. Увиденное Браверсом зрелище заставило его содрогнуться. Он был потрясен.

Затем чудовище открыло рот, и, оскалившись, скрипучим голосом, произнесло:

– Ха-ха, ну что, Билл, попался?

От неожиданности всего происходящего, а также потому, что это чудовище знает его имя, Билл совсем растерялся. Смелый и хорошо подготовленный охранник потерял на некоторое время дар речи. Он только смотрел на все происходящее широко раскрытыми глазами и что-то нечленораздельно мычал.

– Да ты, Билл, трус!

Эти слова отрезвляюще подействовали на Браверса. Его еще никто не называл трусом! Он быстрым, хорошо заученным движением выхватил свой пистолет и выстрелил прямо в рот этому отвратительному чудовищу.

Но, к еще большему своему удивлению, Билл заметил, что пуля пролетела сквозь рот этого монстра и со звоном ударилась в стену холла банка, не причинив чудовищу ни малейшего вреда.

– Ха-ха, Билл, ты совсем глупый! Я, бессмертный! Я могу сделать с тобой все, что захочу! А ты со мной, нет!

Все это было сказано низким голосом с ужасным скрипом, похожим на скрип давно несмазанной металлической двери. При этом чудовище все извивалось и подергивалось. Его глаза, то увеличивались, то уменьшались, то выдвигались вперед, словно пытаясь вырваться наружу, то вновь западали глубоко в глазницы. Кроме этого, от него шел едкий, зловонный запах, от которого у Браверса начало перехватывать дыхание.

– Билл, опусти пистолет.

Браверс безвольно опустил руку с пистолетом. Он был подавлен. Весь жизненный опыт сейчас не мог ему ничего подсказать. Браверс попытался вспомнить что-либо похожее из просмотренных ранее фильмов ужаса, но ничего подобного не приходило в голову. Билл испытывал легкое головокружение и, возможно от этого, соображал с трудом.

Вдруг неожиданно пришла мысль о том, что все это кошмарный сон. Билл зажмурил глаза и левой рукой изо всех сил ущипнул себя за бедро. Однако это отвратительное чудовище продолжало стоять перед его глазами даже тогда, когда они были закрыты. Это потрясло Браверса еще больше. Он окончательно понял, что сопротивление бесполезно. С трудом, задыхаясь, Билл процедил сквозь зубы:

– Что ты от меня хочешь?

– Сущие пустяки… Всего миллион долларов!

– Миллион долларов? Да где я их возьму?

– Билл, не валяй дурака, ты сидишь на деньгах. Посмотри на сейфы. Там много миллионов, а мне сегодня нужен всего один!

– Ни за что! Это преступление, на которое я не могу пойти… Я же охранник, а не бандит!

Холодный пот выступил у Браверса по всему телу. Руки его лихорадочно тряслись. Биллу было мучительно стыдно за то, что он ничего не мог предпринять и хоть каким-то образом противостоять этому монстру.

– Нет, этого я не сделаю…

– Не сделаешь? Тогда смотри!

Снова раздался оглушительный грохот, и внезапно у находящегося перед ним монстра появилась красная рука, которая постепенно увеличилась до огромных размеров. Внимательно присмотревшись, Браверс заметил, что рука переливалась вишнево-бордовыми оттенками, по руке проходили непонятные пульсации, отдаленно напоминающие электрические разряды.

Далее рука быстрым движением опустилась вниз и подняла неожиданно появившийся мешок серого цвета, на котором были видны следы крови. В мешке кто-то находился. В этот момент Билл услышал голос своей дочери: «Помогите, помогите мне!»

Браверс понял, что в мешке находится его пятилетняя дочурка Анжела. Его любимая дочка, которая, в общем-то, и составляла смысл жизни семейства Браверсов. Билла охватил леденящий ужас, который сковал его мышцы и окончательно парализовал волю.

Тем временем, у чудовища появилась вторая рука, похожая на первую, которая за волосы вытащила из мешка его дочь. Другой рукой чудовище принялось выламывать девочке правую ногу. Раздался душераздирающий детский крик.

Браверс задыхаясь, обливаясь холодным потом, со слезами на глазах неподвижно наблюдал за происходящим. Прямо перед ним истязали его любимую дочку, а он ничего не мог поделать. Хотя выход у Браверса был и он решился. Преодолевая сковавшие горло спазмы, Билл прохрипел:

– Хорошо, я сделаю это, только отпусти Анжелу.

– Молодец, Браверс, – с этими словами чудовище опустило девочку в мешок, который внезапно исчез куда-то, – я рад, что ты все понял.

Билл Браверс немного начал приходить в себя и стал думать, как выполнить это ужасное требование. Дело было непростым – он не знал кода для открытия сейфа, кроме того, куда положить такое количество денег? Находясь в раздумье, Билл сказал:

– Для такого количества денег нужен целый мешок. Где я тебе его возьму?

– Билл, не увиливай, возьми свою спортивную сумку.

В этот момент Браверс вспомнил, что оставил в своем шкафчике спортивную сумку сравнительно больших размеров. «Странно очень. И откуда только это чудовище все знает?» – подумал Билл. В глубине души он еще надеялся на то, что сможет выпутаться из создавшегося положения. Билл просто не мог себе представить, как он будет объяснять завтра утром своим коллегам и руководству отделения пропажу огромной суммы денег.

Браверс встал и попытался направиться к шкафчику, но в замешательстве остановился – из-за чудовища, находившегося перед ним, он плохо видел дорогу. Только Билл успел подумать об этом, как монстр произнес:

– Иди, Билл, я не буду тебе мешать.

Произнеся это, монстр моментально уменьшился раза в четыре в размере, сдвинулся вправо, и, таким образом, перестал заслонять Браверсу путь. Все это еще больше ошеломило Билла, и он понял, что сопротивление бесполезно.

После этого Браверс взял из своего шкафчика спортивную сумку, выключил охранную сигнализацию, открыл массивную металлическую дверь, ведущую в небольшое помещение хранилища, подошел к одному из трех сейфов. При этом монстр постоянно находился перед ним и скрипучим голосом произносил: «Так, Билл, молодец».

Подойдя к сейфу, Билл остановился, и с некоторым облегчением произнес:

– Я ведь не знаю кода, а подбирать его можно целую вечность.

– Не волнуйся, Билл, я знаю код.

Эта фраза окончательно потрясла Браверса – чудовище знает все! Находясь в полубессознательном состоянии, Билл протянул правую руку к клавишам на двери сейфа.

– V-274.

Браверс набрал код. На двери сейфа зажглись зеленые лампочки, это означало, что код набран правильно.

– Теперь набери кодовое слово: «GOLF».

Браверс набрал кодовое слово. Лампочки на двери сейфа погасли, это означало, что сейф можно было открывать. Билл повернул ручку и открыл сейф. Затем стал накладывать в сумку пачки купюр. Он брал пачки, не разбирая номинала купюр, толком не считая их количества. Да и считать в таком состоянии он просто не мог, мысли в голове лихорадочно крутились, сердце гулко стучало, с силой отдаваясь каждым ударом в голове, и Браверс никак

не мог сконцентрироваться на происходящем. Какой-то бред. Охранник просто не мог поверить в реальность происходящего.

Чудовище находилось рядом и наблюдало за действиями охранника. Иногда, прямо над ухом, Браверс слышал его отвратительный, с нотками издевательства и некоторого снисхождения голос: «Не жадничай, Билл, положи еще».

Неожиданно Браверс сам для себя отметил, что голос звучит прямо над ухом, а голова монстра находится на некотором расстоянии. Это открытие в какой-то степени отрезвило охранника, помогло начать анализировать обстановку. Продолжая машинально накладывать пачки купюр в сумку, Браверс стал думать, как вызвать полицию.

«Я отключил сигнализацию сейчас, ночью. Это недопустимо. Неужели отключение сигнализации ночью автоматически не выдаст сигнал тревоги в полицейский участок? Может быть, сигнал принят, и полиция уже мчится сюда? Что будет, если это чудовище так же внезапно исчезнет? А я здесь, в хранилище, с сумкой денег. Что я скажу полицейским?»

«Нет, судя по всему, автоматического вызова полиции не произошло, – продолжал думать охранник. – Здесь бы тоже что-нибудь включилось. Как же сообщить полиции? Рядом с пультом включения охранной сигнализации хранилища нет кнопки вызова полиции. Какой чудовищный недосмотр. А как добраться до ближайшей кнопки вызова? Да, ситуация непростая. Только спокойно, Билл, еще не все потеряно».

Тем временем, сумка оказалась полностью наполненной пачками денег.

– Молодец, Билл! А теперь закрой сейф.

Браверс, повинуясь монстру, закрыл сейф, вышел из помещения хранилища и включил сигнализацию. Чудовище по-прежнему неотступно преследовало его.

– Билл, не вздумай вызывать полицию, не забывай, что твоя дочь пока у меня. Ее судьба зависит от твоих действий. А теперь отключи внешнюю сигнализацию, открой дверь и оставь сумку на улице.

Билл выключил наружную сигнализацию, открыл дверь и бросил сумку на крыльцо. После этого тяжело вдохнув, сказал:

– А теперь отдай мне дочку. Верни Анжелу!

– Рано!

– Что значит «рано»?

– Закрой дверь.

Браверс закрыл дверь.

– Включи сигнализацию и возвращайся на свое место.

Браверс послушно выполнял все указания монстра. Только он сел на свой стул, как чудовище снова стремительно увеличилось в размерах, заняв все пространство. Билл понял, что не все еще кончилось. С нескрываемым раздражением он спросил:

– Ну, что тебе еще надо?

– Маленькое одолжение, – проскрипело чудовище.

– Какое? – спросил Билл.

– Ты ведь меткий стрелок, Билл?

– Ну и что?

– Ты вспомни, как метко попал мне в рот, – с усмешкой произнес монстр.

– Да, а что? Чего ты еще хочешь от меня?

– А теперь, выстрели себе в рот!

– Ты что? – изумился охранник.

– Ты не слышал?

– Да, пошел ты… – невольно вырвалось у Браверса.

– Тогда посмотри, что внутри у твоей девчонки!

С этими словами чудовище опять вытащило девочку из мешка, и принялось терзать ее. Анжела снова неистово закричала. Билла от злобы затрясло, он застонал:

– Отпусти ее! Отпусти ее!

– Делай то, что я тебе приказал, и я отпущу девчонку!

Осознавая все свое бессилие, Билл поднял трясущейся рукой пистолет, открыл рот, но выстрелить не мог.

– Ну! Стреляй!

И тут чудовище принялось разрывать девочку на части. Пронзительный крик Анжелы, хруст ее костей превратились для Браверса в нестерпимую боль. Он увидел, как брызги крови его дочурки веером полетели на пол.

И не вынеся этого, Билл выстрелил…

Сильный толчок откинул его голову назад. Пуля, пролетев сквозь череп Билла, с визгом врезалась в стенку. Вслед за пулей на стену брызнула кровь вперемешку с остатками мозга.

Все кончилось. А транзисторный приемник по-прежнему стоял на столе и продолжал играть веселенькие мелодии.

Глава 11

На следующее утро, как обычно, работники отделения начали приходить в банк. Уже собралось четыре человека, на часах без пятнадцати минут девять, но им никто не открыл дверь. Не выдержав, самый нетерпеливый из них, высокий худощавый начальник экономического отдела позвонил в специальный звонок. Дверь по-прежнему не открывалась.

– Хм, что там Билл делает? Заснул он, что ли?

Один из его сослуживцев с ухмылкой сказал:

– А может быть, у него такие шуточки.

– Не говори глупости, Браверс серьезный человек!

Опять начали стучать и звонить: никто им не открыл. В этот момент к отделению подъехал управляющий. Увидев, что отделение еще не открыто, он с раздражением крикнул:

– Как, вы еще не на рабочих местах?! Скоро клиенты придут!

– Билл нам не открывает, – ответил начальник экономического отдела.

– Как это не открывает? В чем дело?

Он тоже начал стучать в дверь и звонить. Но, по-прежнему, никто не подходил к входной двери.

– Странно, я вынужден вызвать полицию.

Достал мобильный телефон…

– Алло! Полиция? Говорит управляющий отделением банка «Америка», Джорж Уилкинс. Мы не можем попасть в отделение! Охранник закрылся и не открывает нам.

Минут через пять к отделению банка подъехали две полицейские машины. Выяснив обстановку, полицейские решили вызвать специальное подразделение. С помощью специальных приспособлений полицейские взломали дверь, вошли внутрь и увидели страшную картину – на столе в углу холла играет транзисторный приемник, рядом лежит опрокинутый стул, около него в луже крови тело Билла Браверса с простреленной головой, в руке у него пистолет.

Информация о случившемся была срочно передана в полицейский участок, вызваны медицинские работники. В кратчайшие сроки в отделение прибыла следственная бригада, возглавляемая лейтенантом Питером Саммерсом. Полицейские начали свою работу – осмотрели тело, сняли отпечатки пальцев, сделали фотоснимки…

Питер Саммерс после внимательного осмотра холла подошел к управляющему отделением:

– Вы не заметили чего-нибудь необычного?

– Нет, – сказал Джорж Уилкинс, еще раз внимательно оглядывая отделение, – мне кажется, что все в порядке.

– Кто первым зашел сегодня утром в отделение банка? – спросил Саммерс.

– Полицейские, следом за ними я.

– Можете подробнее рассказать об охраннике, – продолжил Саммерс.

– Да, конечно, – сказал управляющий. Он подошел к одному из работающих компьютеров, и через некоторое время вывел на экран данные об охраннике. Он начал вслух зачитывать информацию:

– Браверс работает в нашем отделении уже четыре года. Характеристика со стороны начальника охрана просто отличная. Отмечено, что очень серьезно относится к своей работе. Взысканий и нареканий не имеет. Женат, имеет маленькую дочь. В подозрительных связях не замечен. Отличная физическая и специальная подготовка. Имеет рекомендацию на должность начальника отдела охраны нашего отделения. Вот, пожалуй, и все. Остальное – специальная информация о результатах тестов, оклад, премиальные и тому подобное.

– Да, это пока мало о чем говорит, – тихо произнес Саммерс, – ладно, к этому вернемся позже.

Казалось, что он говорит сам с собой. Саммерс ждал результатов первичной экспертизы, и главное, результатов дактилоскопии. Походив некоторое время по холлу отделения банка, он с некоторым раздражением спросил:

– Сержант Хаппел, скоро ты там?

– Не волнуйтесь, шеф, скоро все будет в порядке, – откликнулся Трент Хаппел.

Анализ отпечатков пальцев на оружии, на транзисторном приемнике, термосе и личных вещах охранника показал, что найденные отпечатки принадлежат только одному человеку – Биллу Браверсу.

Ознакомившись с результатами анализа, Саммерс констатировал:

– Это самоубийство! Ни одного отпечатка пальцев, кроме Браверса не было найдено. Выстрел произведен под соответствующим углом, прямо в рот. Это типичное самоубийство.

– Непонятно, почему он так поступил? – с недоумением воскликнул управляющий отделением. – У него прекрасная семья, хорошая работа, все его характеризуют, как добродушного веселого человека, и вдруг… самоубийство. Ну что ж, надо начинать работу, мы можем понести убытки!

Однако Саммерс возразил ему:

– Минуточку, а вы проверили состояние сейфов?

– Нет, а что?

– Дело серьезное, давайте посмотрим.

Через несколько минут эксперт обнаружил на одном из сейфов отпечатки пальцев Браверса. Сейф был открыт, и отпечатки охранника были обнаружены и внутри сейфа.

– Необходимо пересчитать в этом сейфе деньги – сказал Питер Саммерс.

Через несколько минут по отделению пронеслась ужасная весть – пропало много денег, почти миллион долларов!

– Выходит, Билл Браверс причастен к пропаже этого миллиона – заключил Питер Саммерс.

– Странно, Браверс работал у нас четыре года и всегда был на хорошем счету – растерянно сказал управляющий отделением – Но где же деньги?

– Скорее всего, он их кому-то передал, – начал рассуждать Саммерс. – Может быть, вынужден был совершить это преступление, и, не выдержав угрызений совести, застрелился. Сейчас главное, чтобы информация не дошла б до газетчиков. Самоубийство охранника, и не более того.

Находясь в тягостном раздумье, Питер Саммерс вдруг вспомнил, что любое отделение банка должно иметь системы постоянного видеомониторинга. Такие системы позволяют постоянно регистрировать на видеопленку все происходящее внутри банка. Он обратился к Джорджу Уилкинсу:

– Мистер Уилкинс, ваше отделение должно быть оснащено системами видеонаблюдения.

– Да, это действительно так.

– Вы сами понимаете, что мы должны просмотреть пленки. Возможно, это позволит нам выяснить обстоятельства дела.

Был вызван техник, ответственный за эксплуатацию видеосистемы. Уединившись втроем в комнате технических служб, они принялись просматривать последние пленки. Всего было установлено три видеокамеры. Две из них фиксировали происходящее в холле отделения, а третья в помещении хранилища. Система видеомониторинга была устроена таким образом, что фиксировала один кадр в секунду, и поэтому на экране при воспроизведении все происходящее значительно ускорялось. Было решено начать просмотр с камеры,

расположенной над входом в отделение. Пленку отмотали на то место, которое соответствовало времени 20 часов 30 минут. К этому времени все сотрудники отделения уже покинули банк.

На экране был хорошо виден Билл Браверс. Он сидел за столом, на котором располагался маленький транзисторный приемник. По веселой улыбке на лице Браверса, по небольшим движениям руками и туловищем было видно, что охранник слушал веселую музыку.

Учитывая, что на экране практически ничего не менялось, Саммерс попросил ускорить перемотку ленты. Наконец на экране стало видно, что охранник встал. Сразу же перешли в режим нормального воспроизведения. Таймер в углу экрана показывал время без восьми минут полночь. Далее стало видно, как Браверс обошел помещение отделения, оглядывая все кругом. Затем он стал выполнять разминочные упражнения.

– Да он у вас спортсмен – сказал Саммерс, понимая, что в этот момент охранник был в отличном состоянии. Но, стоп. Дело в том, что Браверс на некоторое время вышел из поля зрения, направившись влево за рамки кадра.

– Куда он направился? – поинтересовался следователь – необходимо посмотреть пленку с другой камеры.

Быстро установили пленку со второй видеокамеры. Ее просмотр позволил установить, что Браверс в этот момент открыл фрамугу окна, выходящего на улицу. После этого охранник продолжил выполнение упражнений, немного побегал, сел за стол, перекусил и вновь стал слушать приемник;, через какое-то время встал, снова выполнил разминочные упражнения, вновь сел на свой стул.

«Какое может быть самоубийство? – подумал Саммерс. – Парень в отличной форме».

Вдруг тело охранника немного откинулась назад, и замерло в напряженном ожидании. Стало ясно, что-то произошло.

– Остановите кадр – попросил следователь.

Таймер на экране показывал один час сорок девять минут. Самый внимательный осмотр неподвижно замершего кадра не позволил выявить чего-нибудь необычного. В холле отделения все было как обычно. И все же, что-то произошло.

– Давайте вернемся к первой пленке – обратился к присутствующим Питер Саммерс – на ней должно быть хорошо видно лицо Браверса.

Действительно, на лице охранника появилось в этот момент выражение крайнего удивления, но ничего более. Далее Браверс протер руками глаза и уставился вперед с еще большим удивлением.

Саммерс находился в недоумении, что-то явно происходило в этот момент в холле отделения, но на пленке ничего не было видно. Находясь в некоторой растерянности, он спросил:

– Есть ли возможность просматривать одновременно две пленки?

– Да, у нас есть второй видеомонитор.

Техник быстро наладил просмотр второй пленки. На них было видно, что Браверс находился в состоянии крайнего удивления. Однако ничего другого видно не было.

Вдруг охранник вздрогнул, на его лице появилось выражение сильного испуга.

– Что произошло? – одновременно вырвалось у присутствующих в комнате.

Кадр был снова остановлен. Внимательное изучение его не позволило выявить что-либо необычного. Не было видно ни одной посторонней фигуры, ни одного постороннего предмета, ни каких бы то ни было теней, ни единого движения штор на окнах.

– Все это очень странно – сказал Саммерс – парень только что находился в отличном настроении и вдруг. Что же произошло?

– Видимо, что-то необычное – отозвался управляющий отделением, – но почему ничего не видно на пленке? Может быть, дефект на пленке или существует возможность часть изображения изменять?

– Нет, пленка в отличном состоянии, а каким-либо образом влиять на запись охранной видеосистемы практически невозможно, во всяком случае, так утверждает фирма-производитель – констатировал техник отделения банка. – Хотя, следует внимательно проверить состояние кабелей от телекамер до записывающего устройства.

– Хорошо! – согласился Саммерс. – Внимательно изучим.

На экране по-прежнему был виден только лишь охранник, застывший в состоянии крайнего удивления. Неожиданно, резким движением Браверс выхватил свой пистолет и выстрелил вперед.

– Вот вам и пуля, найденная нами у входа в отделение, – находясь в состоянии полного недоумения, сказал Саммерс. – Он в кого-то, или во что-то стрелял. Но, что он видел в этот момент? Пока просмотр видеопленки не только не отвечает на вопросы следствия, а наоборот, ставит новые. Нам придется тщательно изучить эти пленки с помощью всех имеющихся технических средств.

Далее было видно, как Браверс с кем-то разговаривает, видно, как его лицо исказилось от какой-то неведомой боли. Затем охранник встал со стула и направился вправо, за пределы экрана.

– Куда он пошел? – спросил Саммерс.

– В той стороне у нас находятся подсобные помещения и шкафчики для одежды персонала, – сказал управляющий отделением банка.

Через некоторое время Браверс снова появился на экране монитора, причем в его руках была большая спортивная сумка. Затем он выключил охранную сигнализацию, открыл массивную металлическую дверь, ведущую в помещение хранилища.

– Нужно немедленно поставить пленку с видеокамеры в хранилище – сказал следователь.

Далее было видно, как Браверс подошел к одному из трех сейфов, постоял с минуту неподвижно, открыл его и принялся накладывать деньги в свою сумку.

– Непостижимо! Откуда он знает код? – взволнованно воскликнул управляющий отделения.

Тем временем, Браверс закрыл сейф, вышел из помещения хранилища и подошел к пульту управления сигнализацией. Далее направился к выходной двери, открыл ее и выбросил сумку на улицу. Таймер на экране системы видеонаблюдения показывал два часа три минуты.

– Кому он передал сумку? – почти закричал Саммерс, – Есть ли у вас камера у входа в отделение, но снаружи?

– Да, есть – сказал техник, ответственный за эксплуатацию видеосистемы.

Была установлена новая кассета. На экране появилось изображение крыльца перед входом в отделение. Иногда в поле зрения появлялись какие-то люди. Саммерс не выдержал и раздраженно сказал:

– Прокручивайте, ставьте сразу на два часа ночи.

После прокрутки пленки на необходимое время взоры присутствующих устремились на экран. Наступило тягостное молчание. Наконец, в нижнем углу экрана появилась спортивная сумка. Ее выбросил из-за двери Браверс. Какое-то время она лежала неподвижно. Внезапно мелькнул кто-то и, схватив сумку, исчез из поля зрения камеры.

– Назад, и медленно по отдельным кадрам, – приказал Саммерс.

Наконец появился кадр, на котором был виден человек в темном плаще, плотно надетой темной шляпе и черных перчатках. Он явно старался не показывать свое лицо. После минутного раздумья, Саммерс произнес:

– Да, у охранника был сообщник… Ну, и что же тут можно сказать?

– Это мужчина – бойко выпалил техник видеосистемы.

Саммерс посмотрел на техника, как на круглого идиота, и саркастически произнес:

– Вы правы, мой юный друг. Это не женщина… – через некоторое время он продолжил, – однако давайте смотреть дальше, ставьте первую кассету.

Далее было видно, как Браверс закрыл входную дверь, включил сигнализацию и, вернувшись назад, вновь сел на стул. Через некоторое время лицо охранника снова исказилось от ужаса, он что-то кричал. Было видно, что его тело затряслось, словно от лихорадки. Браверс достал пистолет и направил его себе в рот. Некоторое время находился в неподвижном состоянии. Наконец его тело откинулось назад и упало со стула…

Таймер показывал два часа семь минут. Все были потрясены увиденным. Саммерс от волнения встал и принялся расхаживать по кабинету, разговаривая сам с собою.

– Что же произошло на самом деле? Ума не могу приложить, но все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Это вам не фунт лапшички.

Походив некоторое время по кабинету управляющего, Саммерс обратился к нему:

– Просмотр видеопленок не позволил ответить на многие вопросы. Возможно, их дальнейшее изучение позволит ответить на них. Мы изымаем эти пленки для досконального изучения. Нам придется тщательно изучить их с помощью всех имеющихся технических средств. Все не так просто. Да, и еще, газетчикам не следует говорить о пропаже денег. Охранник покончил жизнь самоубийством, и пока все.

Управляющий не стал возражать. Саммерс положил видеопленки в пакет и передал сержанту Хаппелу. Затем приказал взять анализ воздуха в нескольких местах отделения банка, а также забрать для детального изучения термос, кружку с остатками кофе и приемник охранника, дал распоряжение техникам внимательно изучить состояние кабелей, – от телекамер до записывающих устройств. Сержант старательно записывал поручения шефа в свой блокнот.

Пройдясь по помещениям отделения банка, Саммерс решил, что больше здесь ему делать нечего и приказал закончить осмотр. Перед самой дверью, на выходе из отделения, его догнал управляющий отделением Джорж Уилкинс:

– Лейтенант, хочу рассказать вам про свой недавний сон. Поверьте, мне и самому неловко… Но тем не менее. Несколько дней назад, ночью мне приснился маленький гном. Он просил назвать шифр того самого сейфа, который сегодня ночью открыл Браверс. Я хотел его прогнать, но он стал щекотать мне пятки и я ему все рассказал…

Уже на выходе из отделения банка Саммерс попал в окружение журналистов. Он даже сморщился и пробормотал что-то невнятное.

– Лейтенант! Что произошло в банке? – спросили его из толпы.

– Самоубийство, типичное самоубийство, – быстро ответил Саммерс. – Охранник покончил жизнь самоубийством прямо на рабочем месте. Все характеризуют его, как отличного парня. Поэтому пока ничего не понятно.

– Какие версии?

– Версий, пока две, – ответил лейтенант. – Первая, бытовая. Возможно, что-то случилось в семье. Вторая, возможная связь с криминальными группами. Будем разбираться.

– А с банком, все в порядке?

– Да, все в порядке, – заверил журналистов Саммерс.

– Лейтенант! Вы будете сегодня на брифинге для прессы?

– Нет, будет сержант Хаппел. Он познакомит вас с результатами следствия. Все! Нам пора ехать.

Глава 12

Всю дорогу до полицейского участка Питер Саммерс сидел молча. Он был просто потрясен всем, что пришлось увидеть сегодня в банке. За долгие годы работы в полиции Саммерс не мог припомнить такого состояния, в котором оказался сегодня. Он был в полной растерянности, не зная с чего начинать расследование. Конечно, какая-то надежда была на результаты экспертиз. Однако что-то непонятное и необъяснимое подсказывало ему, что экспертизы не помогут. Саммерс все более отчетливо начинал осознавать, что сегодня он столкнулся с чем-то абсолютно неизвестным для него. Возможно, не только для него. Последнее время он постоянно ловил себя на мысли, что в преступный мир приходят все более совершенные технологии, что для совершения преступлений люди используют самые совершенные достижения науки и техники. Его разум, знания и опыт не позволяли все эти достижения быстро усваивать. Саммерс понимал, что начинает проигрывать современным преступникам, причем, проигрывать в главном, в скорости и оригинальности мышления. Если раньше для успешной работы полицейским ему хватало отличной физической подготовки, умения великолепно стрелять и отменного знания города и его окрестностей, то сегодня этого явно не хватало. Уже неоднократно он замечал, что не понимает ход мышления современных преступников. А раз не понимал, значит, проигрывал в скорости принятия оперативных решений, значит, приходилось тратить больше времени и сил на поимку преступника.

Сегодня Саммерс отчетливо осознал, что время лихих парней, каким он был в молодости, в противоборстве с преступным миром безвозвратно ушло. Теперь общество должно связывать свои надежды на защиту от преступности с молодыми, с представителями нового поколения. Однако молодые полицейские разочаровывали его. Да, они умны и быстро мыслят, да, они мгновенно улавливают все технические новшества, но с другой стороны, излишне рассудительны и избегают черновой работы. Молодые полицейские излишне часто, по мнению Саммерса, вспоминали о своих правах и с легкостью, особенно когда это было выгодно, забывали о своих обязанностях. Были они какие-то другие, чем Саммерс и его товарищи в столь же молодые годы. Более расчетливые, с какой-то коммерческой хваткой. Хотя, полицейский и коммерция – такого Саммерс не мог представить даже в кошмарном сне. А они, молодые полицейские, могли, и не просто могли, но и активно пользовались своим служебным положением с целью наживы. Последнее время всю систему частенько сотрясали скандалы с молодыми полицейскими. Связи с криминальными кругами, неоправданное насилие, сексуальные домогательства во время несения службы…

Саммерс не понимал, как можно постоянно нарушать присягу полицейского. Значит, присягали не искренне, значит шли служить в полицию для достижения каких-то своих личных, корыстных целей. От этого становилось страшно. Все чаще он приходил к мысли, что в современном мире преступность возьмет верх и опутает все сферы жизни. Особенно страшно, если преступность опутает сферу политики. А может быть, уже опутала? От таких мыслей настроение у него портилось еще больше.

Вернувшись в участок, Саммерс молча прошел по коридору и направился в свой кабинет. Он уже открыл дверь, когда кто-то выкрикнул:

– Саммерс, зайдите к капитану!

«Да, жизнь идет своим чередом, – подумал Саммерс, – надо идти докладывать начальству. А что докладывать? Сам ничего не могу понять. Даже голова идет кругом».

Саммерс зашел в кабинет капитана без стука, как к себе домой. С Марком Харрисоном, капитаном полиции, они были знакомы с молодости. Харрисон был отличным полицейским и ловким руководителем. Иногда Саммерс завидовал его ловкости и изворотливости в отношениях с выше стоящим руководством и с городскими властями. Харрисон всегда

в разговорах с ними излучал непоколебимую преданность и уверенность в своих действиях. Ловко выходил из всех затруднительных ситуаций, в общем, как теперь принято говорить, умел жить в современном мире. В последнее время стал жить на широкую ногу, – купил роскошный дом, автомобиль, который мог бы сделать честь многим бизнесменам. Трудно было предположить, что все это можно было купить на жалование полицейского. Иногда Саммерс с раздражением начинал подозревать Харрисона в каких-то финансовых злоупотреблениях. Однако это раздражение в душе Саммерса быстро улетучивалось: ведь они были знакомы с молодых лет, одно время даже были напарниками и друзьями. Кроме того, Саммерс стал замечать, что не только Харрисон, но и все большее число людей начинали жить, мягко говоря, не по средствам. Подобный образ жизни стал своеобразной модой, своеобразным стилем жизни. И Саммерса перестало это удивлять.

Харрисон стоял у большого окна, и как только Саммерс вошел в кабинет, стремительно повернулся и с тревогой в голосе спросил:

– Что, там в банке? Вы там долго возились.

– Кино смотрели, – усмехнулся Питер.

Саммерс, не дожидаясь приглашения, устало опустился в кресло около стола капитана. Они были давно знакомы и привыкли не церемониться в отношениях между собой, особенно в отсутствии подчиненных. Саммерс посидел некоторое время молча и с трудом, словно выдавливая из себя слова, произнес:

– Ситуация очень сложная. Может быть, самая сложная в моей жизни.

– Неужели, все так сложно? – усомнился Харрисон. – Вспомни, какие только ситуации ты не распутывал. Всему штату известна твоя способность раскрывать сложнейшие дела. Ничего, справишься и на этот раз.

– Внешне все выглядит очень просто, – продолжал Саммерс, находясь в глубоком раздумье, будто не замечая окружающей обстановки. При этом создавалось впечатление, что его взгляд направлен куда-то внутрь себя, а не на стол своего шефа. – Охранник ночью отключил сигнализацию, вскрыл сейф, похитил почти миллион баксов и передал их своему сообщнику. Затем, не выдержав угрызений совести, застрелился.

– Да, миллион – это серьезно, – согласился Харрисон, – неизбежно будет подключаться ФБР.

– С другой стороны, – продолжал лейтенант, – просмотр пленок системы видеонаблюдения заставляет усомниться в таком выводе.

– О чем это ты? – удивился Харрисон.

– На пленках видно, что кто-то неизвестным образом заставил сделать охранника хищение денег похитить деньги, а потом застрелиться. Причем, сделал это сравнительно быстро и предельно жестоко. Каким-то образом воля человека была сломлена в считанные минуты. Видно, что охранник пытался противостоять, но, в конечном итоге, сломался.

– Этого только не хватало, – тяжело вздохнул Харрисон. – И что, на пленках ничего не видно?

– Ни-че-го! Абсолютно, – процедил сквозь зубы Саммерс.

– Скорее всего, опять какие-нибудь технические штучки, – предположил Харрисон. – Обязательно будет подключаться ФБР.

– Скорее всего, – согласился лейтенант.

– Да, срочно нужно укреплять технический отдел, – начал рассуждать Харрисон, – иначе мы скоро будем бледно выглядеть. Но как завлечь молодых и способных на работу в полицию на эти деньги? Вот и крутись здесь… С чего думаешь начинать?

– Необходимы результаты экспертиз, причем, самых разнообразных, – ответил Саммерс. – Без них нечего делать… Да, и прошу на некоторое время освободить меня от других дел.

– Хорошо, пока занимайся только этим делом, – согласился капитан.

Глава 13

Саммерс решил действовать как можно быстрее. И связано его стремление было не только с необходимостью быстрее раскрыть преступление, но и сознанием того факта, что данное дело неизбежно будет находиться под контролем ФБР. Это означало, что большая часть следственных материалов будет передано их агентам. Саммерс, как и большинство полицейских его возраста, неуважительно относился к агентам ФБР: к их чрезмерному высокомерию и надменности в отношениях с полицейскими, к их методам работы, и даже, к их внешнему виду. Поэтому он спешил, стараясь получить результаты экспертиз раньше, чем они станут их собственностью.

Однако не только неприязнь к агентам ФБР подгоняла Саммерса. Сегодня он столкнулся с преступлением, которое потрясло его своей необычностью, и даже, в определенной степени, фантастичностью. Саммерс всегда много читал много криминальных романов. И не только потому, что такая литература нравилась ему. Многие из них он воспринимал как своеобразные учебные пособия, ведь такие романы читали, и преступники, а необузданная фантазия писателей часто подсказывала им оригинальные способы совершения новых преступлений. Саммерс же считал главным фактором успеха следователя умение мыслить так же как и преступник, и даже быстрее его. Сегодня же, он был в полной растерянности, ничего подобного читать не приходилось. Жизнь ничуть не уступала фантазиям писателей.

Саммерс спешил побыстрее прояснить ситуацию с сегодняшним ограблением банка, еще и потому, что хотел справиться с охватившей его растерянностью. Таким растерянным он себя еще не чувствовал. Однако без данных экспертиз двигаться было некуда и ему оставалось только ждать.

Сержант Хаппел продолжал вводить протоколы в компьютер. Он взглянул на лейтенанта и поразился его видом. Посмотрев на него некоторое время, Хаппел осторожно спросил:

– Шеф, вы очень напряженный. Что случилось? Капитан давит?

– Понимаешь, Хаппел, случай в банке меня настолько поразил, что никак не могу прийти с себя.

– Ну, что вы, ничего сложного. Похитил деньги и, не выдержав угрызений совести, застрелился. Все просто, только нужно найти сообщника, который и увез ту сумку с деньгами. Хотя, попробуй его найти.

– Нет, Хаппел, все не так просто. Моя интуиция подсказывает, что все гораздо сложнее.

– Да, – усмехнулся сержант, – с вашей интуицией никто потягаться не может.

– Напрасно смеешься, – раздраженно ответил Саммерс. – Случай очень сложный, я бы сказал, необычайно сложный… Черт, как медленно тянется время, когда приходится ждать! Хуже не придумать. Что же они так медленно?

– Шеф, может быть кофе? – предложил Хаппел.

– Отстань, ты, со своим кофе! – Саммерс с раздражением ударил кулаком по столу. – Занимайся лучше своим делом.

Хаппел притих и стал продолжать вводить в компьютер результаты расследования. Он знал, что если лейтенант не в духе, то следует остерегаться его гнева. Временами Хаппел поглядывал на Саммерса, тот продолжал сидеть, скрестив руки на груди и угрюмо смотреть в одну точку перед собой.

Наконец из банка вернулась группа технического контроля. Техники проверяли техническое состояние системы постоянного видеонаблюдения в отделении банка. Руководитель группы позвонил Саммерсу.

Саммерс взял видеокассеты, которые он захватил в отделении банка, и направился к ним в отдел. Ознакомившись с заключением, он убедился, что нарушений в состоянии системы не отмечено. Подобный вывод экспертов его не удивил, так как внутренне Саммерс уже подготовился к подобному варианту. И все же в глубине души он надеялся получить хотя бы малейшую зацепку, малейшую улику, которая позволила бы расследовать это преступление. Помолчав, он спросил руководителя группы:

– Вы полностью убеждены, что не было никаких подключений?

– Да, полностью, – ответил руководитель группы технического контроля, – можно сказать, на сто процентов. Все кабели и соединительные коробки в полной сохранности.

– Простите меня за наивные вопросы, – продолжал настаивать Саммерс, – все-таки, я очень далек от понимания сложных технических устройств, а хотелось бы полностью разобраться в сложившейся ситуации. Но можно ли еще каким-либо образом повлиять на видеозапись, не подключаясь к кабелям? Например, каким-нибудь излучением, на расстоянии.

– Можно, – согласился техник, поправляя свои очки, – но только для того, чтобы вызвать помехи на изображении. Полностью подавить основной сигнал и заставить записывать постороннее изображение невозможно. На изображении будет полный хаос… Да и излучать необходимо в таком случае огромное количество энергии. Потребуется громоздкое оборудование.

– Я где-то слышал, – не унимался Саммерс, – что можно вставлять часть одного изображения в другое, как, например, показывают по телевидению диктора на фоне карты с прогнозом погоды. А можно ли, подобным образом вырезать часть изображения?

– Теоретически можно, – согласился руководитель технической группы, – только практически сделать это очень сложно. Объект, подлежащий исключению, должен быть исключительно равномерно освещен. Малейшее нарушение освещения, малейшая тень сразу же сделает невозможным исключение этого элемента изображения… Вот, например, изображение человека…

– Да-да, именно человека, – обрадовано сказал Саммерс.

– Для того чтобы вырезать изображение человека, – продолжил техник, – нужно одеть его в сплошной однотонный костюм. Даже прорези для глаз нельзя оставлять, иначе они сразу же будут видны. Далее, вокруг этого человека нужно установить большое число осветительных приборов, чтобы цвет костюма был исключительно однородным. Иначе видеокамеры сразу уловят различия в цвете.

– А если предположить, что это черный цвет, – не сдавался Саммерс.

– С черным цветом, конечно же, легче всего работать, – согласился техник, – но все равно должно быть дополнительное подключение к видеосистеме. А я вам с полной ответственностью заявляю, что подключения не было. Мы досконально проверили каждый дюйм кабеля, каждую соединительную коробку. Все в абсолютной сохранности… Возможно, мне трудно понять, что вас именно интересует. Вот если бы была возможность мне самому увидеть интересующую вас видеозапись, я бы попробовал все объяснить.

– Такая возможность есть, – сказал Саммерс, – кассеты у меня с собой.

Саммерс отдал имеющиеся у него видеокассеты. Они вдвоем уселись напротив экрана и с замиранием сердца просмотрели немое свидетельство трагедии, разыгравшейся в отделении банка. После окончания просмотра последней кассеты руководитель технической группы какое-то время явно находился в некотором замешательстве. Он, молча, вновь и вновь просматривал отдельные фрагменты видеозаписей. Наконец, он неуверенно проговорил:

– Нет никакого сомнения, что на охранника оказывалось какое-то воздействие. Однако на изображении ничего не видно. Что же это могло быть? Я просто в замешательстве… Во

всяком случае, рискну утверждать, что такое влияние не может быть зафиксировано видеокамерой.

– Как, это так? – не выдержал Саммерс. – Как это: «не может быть зафиксировано видеокамерой»? Что же это могло быть?

– Не знаю, – неуверенно произнес техник, – возможно, звук, а, может быть, какое-либо химическое вещество.

– Да, звук! – схватился за голову Саммерс. – Как же я не подумал об этом сразу?

– Не спешите делать выводы, – посоветовал эксперт, – я только лишь предположил. Сам теряюсь в догадках… Хорошо, лейтенант, я попробую вам помочь. Давайте введем изображение с пленок в компьютер для детального анализа и посмотрим на отдельных кадрах наличие каких-либо искажений. Более того, наиболее интересные моменты я вам распечатаю на принтере.

– Буду вам очень благодарен, – согласился Саммерс, – если такая возможность имеется… А можно смонтировать для меня отдельную кассету с наиболее важными моментами с отдельных кассет?

– Да, конечно, – согласился руководитель технической группы. – Признаться, мне и самому стало очень интересно, после всего увиденного. Оставьте мне кассеты, я быстро все сделаю.

Глава 14

После отдела технической экспертизы Саммерс направился в криминалистическую лабораторию. Главным экспертом в лаборатории была Кристина Вестерхолм, давняя знакомая Саммерса. Они были знакомы с молодости, и все эти годы Кристина была безответно влюблена в Саммерса. Они никогда не были близки, но в молодые годы Саммерс считал, что Кристина, красивая и миловидная женщина, и она ему нравилась. Однако Кристина нравилась ему не больше, чем другие женщины. Поэтому Саммерс уделял ей внимание не больше, чем другим. В начале он не придавал особого значения всем этим улыбочкам и подмигиваниям. В последствии, однако, Саммерс стал осознавать, что у Кристины все это очень серьезно. И неожиданно он понял, что всеми своими «знаками внимания» он просто заставляет Кристину страдать. Он настолько испугался своего невольного открытия, что позже старался избегать встреч с Кристиной. У него сформировался комплекс вины перед Кристиной. Особенно он усилился после того, как Саммерс женился на Барбаре, а Кристина так и не вышла замуж.

Порой Саммерс боялся даже глядеть ей в глаза, но Кристина все это время жила и работала рядом с ним. Более того, Саммерсу постоянно казалось, что Кристина все чего-то ждала от него, на что-то надеялась. Поэтому в ее присутствии Саммерс терялся, становился неловким и смешным. Он и сам не мог объяснить причины временной утраты всех жизненных навыков в присутствии Кристины. Порой Саммерс просто столбенел и не знал, что делать. Вот и сейчас, подойдя к двери лаборатории, где работала Кристина, Саммерс остановился в нерешительности. Постояв немножко, лейтенант тяжело вздохнул и решительно толкнул дверь криминалистической лаборатории.

Саммерс открыл дверь, и ему сразу же показалось, что на него смотрит Кристина. Он постарался сделать озабоченный вид и направился к ней. Лейтенант обошел несколько лабораторных столов и подошел к столу Кристины. Она внимательно рассматривала его. Саммерс улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Кристина! Сегодня в банке произошло необычное самоубийство охранника. Подозреваю, что на него было оказано определенное действие, заставившее его застрелиться. Не исключено, что подобное влияние оказано какими-то веществами наркотического ряда. Вот зашел узнать, успели вы произвести необходимые экспертизы и готов ли протокол?

– Конечно, Пит, все давно готово. Только ты, похоже, не спешишь за результатами, – ответила Кристина. Она всегда называла его «Питом», как в молодости. Называла всегда и в любой обстановке, наедине и в присутствии других полицейских. Иногда подобное обращение заставляло Саммерса краснеть, так как подавляющее большинство полицейских участка даже не подозревало об их отношениях с Кристиной в молодости.

– Ну, и что ты обнаружила? – спросил Саммерс.

– Возьми, посмотри сам, – Кристина протянула ему листы протоколов экспертиз.

Саммерс взял протоколы и углубился в их чтение. Пропуская глазами технические подробности, он сразу пытался перейти к заключениям. Он все еще надеялся увидеть какое-нибудь свидетельство влияния на охранника наркотического или психотропного вещества. Саммерс знакомился с протоколом и чувствовал на себе пристальный взгляд Кристины. Она разглядывала его с все с тем же интересом, что и в молодые годы. Очень неуютно он чувствовал себя под этим взглядом. Ему хотелось схватить протоколы экспертиз и как можно быстрее сбежать из лаборатории. Однако нужно было выглядеть стойким и уверенным мужчиной, и Саммерс старался держаться достойно. Он продолжал читать протоколы и в конце итогового резюме обнаружил фразу, которая его поразила. В конце было написано: «В представ-

ленных для анализа образцах воздуха, кофе, органических тканей погибшего и его одежды не обнаружено известных веществ, способных оказать влияние на психику человека».

– Что значит, не обнаружено известных веществ? – спросил Саммерс, прочитав протокол.

– Это значит, – ответила Кристина, – что наука сейчас развивается сумасшедшими темпами, и постоянно разрабатываются все новые вещества, способные влиять на психику человека. Угнаться за подобным прогрессом очень сложно. Тем более, в нашей лаборатории, с нашим оборудованием… Но для тебя, Пит, я постараюсь сделать даже невозможное.

– Что ты имеешь в виду? – спросил удивленный Саммерс.

– У меня есть одна хорошая подруга, – продолжала Кристина, – она работает в лаборатории федерального центра, под Вашингтоном. В ее распоряжении самое совершенное оборудование, самая большая база данных. Я взяла дополнительные анализы, крови, частиц тканей тела охранника, и даже кусочек его одежды, и уже выслала их на ее адрес. Но придется подождать: пока анализы дойдут, пока будут проведены всесторонние исследования, пока станут известными результаты, пройдет время.

– Хорошо, большое спасибо, Кристина.

– Не за что, – тихо ответила она.

– Я возьму с собой акт экспертизы… Всегда рад тебя видеть, Кристина.

– Тогда заходи почаще.

Саммерс вышел из криминалистической лаборатории в приподнятом настроении. Более того, он был просто окрылен. Окрылен, не результатами экспертиз, а результатами своего поведения в присутствии Кристины. Он держался молодцом, просто героически. Не всегда Саммерсу, сильному и уверенному в себе мужчине, удавалось так уверенно выглядеть в ее присутствии. И пока Саммерс шел по коридорам в свой кабинет, его настроение все улучшалось. В результате, в момент открывания двери своего кабинета, его лицо просто светилось от удовольствия. Хаппел сразу же обратил внимание на внешний вид своего начальника. Его обрадовал бодрый вид шефа, и он спросил с надеждой в голосе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.